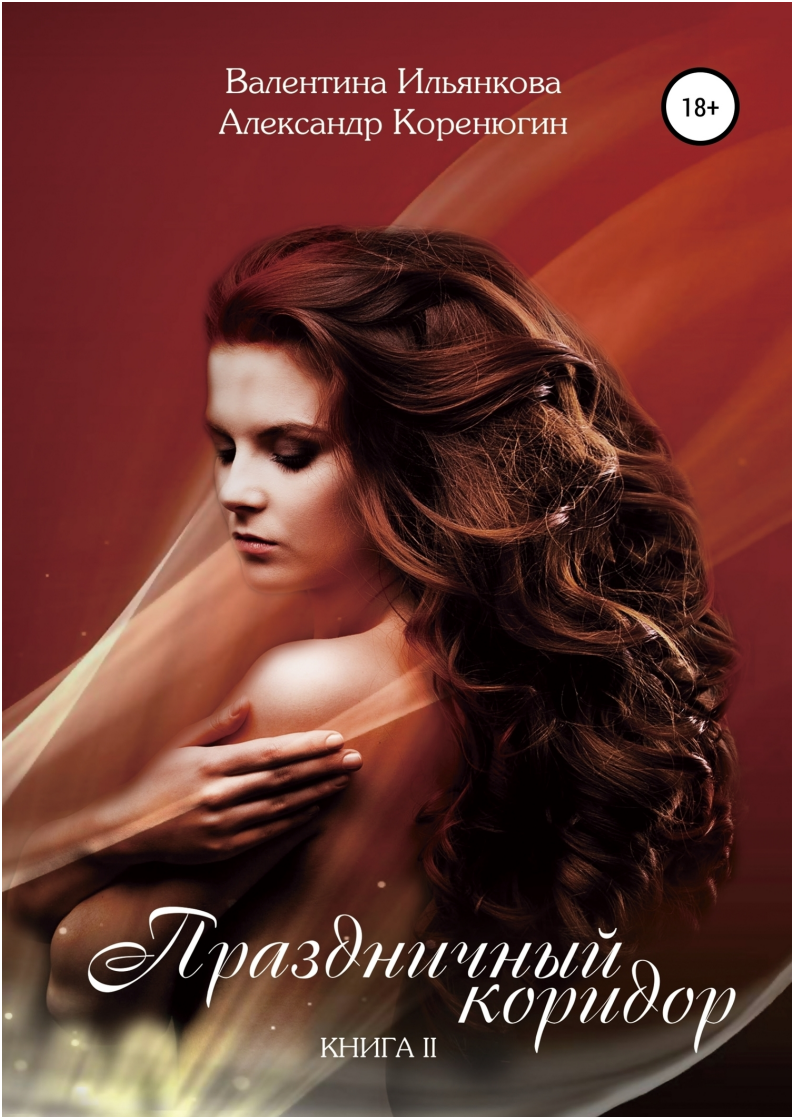
Валентина Ильянкова
Александр Коренюгин

18+



Праздничный коридор

КНИГА II

Валентина Михайловна Ильянкова
Александр Михайлович Коренюгин

Праздничный коридор. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42317650
SelfPub; 2019

Аннотация

Пути, дороги и приоритеты жизненных ценностей героев романа. Для одних это – убийства, грабежи, разбой, личная нажива… Для других – работа, помощь павшим и нуждающимся, восстановление разрушенной страны. Белая магия и колдовство в помощь сбившимся с дороги. Как пересекаются жизненные пути и позиции полярных по убеждениям героев романа, кто из них выбрал для себя Правила жизни по Законам Божьим? Каждый из героев романа выбрал свою, уникальную дорогу.

Содержание

Предисловие 5
Глава 1 17
Глава 2 65
Глава 3 114
Конец ознакомительного фрагмента. 128

В оформлении обложки использована фотография с https://www.shutterstock.com по стандартной лицензии

Я сама создам праздничный коридор моей жизни, и сама решу в какой из небесных миров он меня поведет

Предисловие

Петрович открыл глаза, посмотрел в сторону окна – тусклым светом горел уличный фонарь, а молоденький серпик луны, укутанный в нежное перламутровое облачко, только появился в правом углу окна. Значит, была глубокая ночь.

Зима в этом году никак не наступала. Декабрь и январь прошли в тоскливой осенней слякоти и сырости. Даже, вопреки погодной традиции, на новый год шел дождь.

И вот только сейчас, в середине февраля, наступила настоящая зима. На подхваченную морозом землю лег снег, сразу толстым и пушистым слоем. В дни дежурств, ранним утром, Петрович брал большую деревянную лопату и расчищал школьный двор от выпавшего за ночь снега. Для него это была физическая зарядка, прекрасное начало дня. Школьная дворничиха не отличалась расторопностью и бывали дни, когда к приходу детей пешеходные дорожки не были очищены от снега, а имелся еще и внутренний двор школы, где велись снежные войны, катания, гуляния и прочие детские радости, вмещенные в школьную переменку.

Окно школьной вахтерки посветлело и, как будто, подсветилось мерцающим неоновым светом. Пошел снег, крупные снежинки без суеты и толкотни неспешно опускались с неба на землю.

Петрович оделся и через пустое, гулкое фойе школы вы-

шел на улицу. Постоял на крыльце школы, вынул из кармана куртки пачку сигарет и закурил. На улице было холодно – градусов около тридцати в минусе, стоять на одном месте с сигаретой: удовольствие не из приятных.

Петрович сошел с крыльца и быстрым, спортивным шагом направился в школьный двор. Четыре полных круга вокруг школы – его обычная ночная разминка.

После такой разминки и с лопатой работалось легко.

В дальнем углу школьного двора на белом снегу темнел какой-то громоздкий предмет.

– Потерянная детская куртка, – решил Петрович, – нужно поднять и положить в сторожку, – вчера была суббота, выходной день, детишки, наверное, в снежки играть прибегали в школьный двор. Завтра владелец наверняка отыщется.

Через утоптанный детскими ногами школьный двор он подошел к темному предмету. Наклонился и похолодел: это был человек.

Темная дубленка, юбка, небольшие сапоги. Женщина свернулась калачиком, как будто у себя дома прилегла на кровать отдохнуть. Петрович отвел с ее лица густую завесу волос, запорошенных снегом, и дотронулся до лица. Женщина открыла глаза, и слабая улыбка тронула ее губы. Смотрела она мимо Петровича, в какие-то, только ей ведомые дали и, видимо, не понимала – где она, и что с ней происходит. Но главное – она была жива.

Петрович снял с себя куртку, укрыл женщине ноги и, су-

матошно и невпопад, вздрагивающими то ли от холода, то ли от нервного озноба руками стал нажимать клавиши мобильного телефона.

Он вызвал скорую помощь и, секунду подумав, милицию. Затем наклонился над женщиной и стал растирать ей руки и ноги. Женщина никак не реагировала на его усилия – ее тело оставалось тряпичным, безжизненным и холодным. Живым было только лицо – с широко открытыми, немигающими глазами, смотрящими в небо и слабой, чуть заметной улыбкой на ярких, накрашенных губах.

– Давай, возвращайся, – просил ее Петрович, – наверняка, у тебя есть друзья, дети или муж. Ведь тебя где-то ждут, сделай усилие, посмотри на меня.

Петрович читал в какой-то книге, что если с умирающим человеком разговаривать, то можно вернуть его с небесной дороги, на которую он уже ступил. Но, маленькая, лежащая перед ним женщина, его не слышала, ответной реакции на его слова не было.

Скорая помощь приехала минут через десять после его звонка, следом за ней сразу же подъехала милиция.

– Ну, показывайте, где Ваш подснежник, – первым к женщине направился рослый старлей, – она не пьяная?

Милиционер расстегнул дубленку и отвернул воротник вязаного жакетика – на шее тускло блеснула цепочка с крестиком, расстегнул замочек и опустил цепочку в полиэтиленовый пакетик. Туда же отправились небольшие сережки,

вынутые из мочек ушей. В карманах дубленки нашлись какие-то бумажки.

Первой со школьного двора, завывая, выскочила скорая помощь. Петрович облегченно вздохнул: «обязательно успеют спасти. Только бы она сама не сопротивлялась, очень отрешенное у нее было лицо, когда ее укладывали на носилки».

– А теперь осмотрим все вокруг, – милиция не торопилась уезжать, – возможно, найдем что-нибудь интересненькое.

И действительно нашли: на расстоянии около метра от того места, где лежала женщина, из снега была извлечена пустая водочная бутылка.

– Она выпила в одиночку целую бутылку водки или у нее был собутыльник? – изумился милиционер, – Тогда почему бросил ее здесь замерзать?

Среди найденных в карманах бумажек был обнаружен, выполненный два дня назад анализ крови. Милиционер с амбулаторной бумажкой сел в машину и внимательно ее рассмотрел.

Выйдя из машины, он сообщил:

– Если анализ крови принадлежит этой пьяненькой дамочке, то живет она здесь недалеко, по улице …

Петрович понял, почему лицо женщины ему кого-то напоминало: она была его соседкой по подъезду. Соседские отношения у них ограничивались вежливым «здравствуйте» при случайных встречах, вот и не признал сразу.

– Ваша фамилия, имя, отчество, – старший лейтенант обращался к нему.

– Иванченко Николай Петрович, военный пенсионер, временно работаю школьным сторожем.

Петрович подписал милицейские протоколы и снова остался один. Уже серело утро, спать он больше не хотел, более того, чувствовал, что бессонница ему обеспечена на многие ночи. Перед глазами стояла соседка, но не та, которую он нашел сегодняшней ночью на школьном дворе, а невысокая, худенькая женщина с копной ухоженных волос и шлейфом дорогих духов, сбегающая по лестнице их общего подъезда. Что он еще знал про эту женщину? Похоже, что ничего. Дом, в котором жил Петрович, находился напротив школы, через дорогу. Что же привело молодую, ухоженную женщину в глухой школьный двор одну, ночью в выходной день?

– Завтра с утра нужно зайти к ней домой, скорее всего, она живет не одна, и кто-то с ума сходит от неизвестности, – подумал Петрович, – К утру, может, уже из больницы позвонят, и все прояснится, ведь старлей записал ее адрес. Да и увозили женщину живой и есть надежда, что спасут, а я после смены забегу домой, выпью кофе и съезжу к ней в больницу. Ну, а если она погибла?

Петрович поежился. На выступающего в качестве траурного вестника человека ложится тяжелейшая моральная ответственность, и правильно сделать это может не каждый. Ему дважды приходилось сообщать матерям о том, что их

сыновья погибли, выполняя священный долг перед Отечеством. Правда, он и сам не понимал, какой и чей долг они возвращали в Афганистане, за какие идеалы там гибли солдаты, но матерей он, как мог, так и убеждал, что ее сын погиб не просто в бессмысленной мясорубке, а геройски выполняя свой долг перед Родиной.

А вот если соседка погибла, то эту трагедию объяснить практически невозможно. В центре города, рядом с людьми, не избитая, не ограбленная – просто вовремя не оказали помощь.

– Пусть родственникам сообщают те, кому положено – милиция, врачи. А я не могу, и просто не имею права – принял окончательное решение Петрович и занялся обычными утренними делами – уборкой «дежурки» и расчисткой снега.

Во дворе своего дома он сразу же заметил милицейский «жигуленок». В подъезде, в ожидании вызванного лифта, топтался вчерашний знакомый старлей и еще один офицер.

– Ну, что, закончилась Ваша смена? – поинтересовался старлей, – а вот женщину врачи не смогли спасти. Умерла в лифте, когда поднимали в отделение реанимации больницы. Я уточнил адрес ее прописки, хочу пригласить родственников на опознание трупа. А Вы тоже живете в этом доме?

– Да. Я, когда Вы уехали, вспомнил, что иногда встречал ее в нашем подъезде. Она живет на восьмом этаже, – уточнил Петрович.

– Вы что-нибудь знаете о ней – с кем живет, какой образ

жизни ведет? – продолжал допрашивать в лифте офицер, – Пила, вела аморальный образ жизни, скандалила?

– Не присматривался, а на скамеечках я не сижу, старушек не слушаю, – отрезал Петрович.

На самом деле он никогда не принимал участие в разборках частной жизни сослуживцев, соседей, окружающих людей.

– Соседка, как мне казалось, вполне достойный человек – всегда следила за своей внешностью, приличная, дорогая одежда и обувь, прическа, маникюр, запах хорошей косметики, – все-таки добавил Петрович.

Лифт остановился, Петрович поднялся на свой шестой этаж.

– А вот врачи предварительно заявили, что она была пьяна. Похоже, найденную бутылочку в одиночку выпила, поэтому и не смогла подняться.

Петрович ничего не ответил на замечание офицера и вышел из лифта. Пока доставал из кармана куртки ключи и открывал замок входной двери своей квартиры, услышал, как двумя этажами выше настойчиво затрещал звонок и громкий голос потребовал, – Откройте, милиция.

Так началось воскресное утро февральского, по-настоящему зимнего, солнечного дня.

Еще сегодня ночью Петрович планировал провести воскресный день в своей родной деревне. Под яблоньки, чтобы мыши не погрызли молодую кору, снега хотел подбросить и

доски привезти.

А потом встретиться со своими бывшими одноклассниками – Иванечкой и Кулинкой, посидеть с ними на зимней рыбалке над лункой, в баньке попариться и побаловаться чарочкой «фабричной», под соленые огурчики и грибочки Анны Егоровны, Иванечкиной жены.

Вообще-то одноклассников звали Иваном и Колей, но в деревне редко кто остается без второго, народом данного имени, вот и Ивана с детства называли Иванечкой за малый рост и хилую фигуру, а Колю – Кулинкой, так как был сыном Кулины.

Уважаемых людей у них в деревне величали по отчеству, так Николай Петрович Иванченко стал Петровичем, особенно не возражал, привык и последнее время сам представлялся только своим отчеством.

Но сейчас навалилась какая-то усталость, ушла и растаяла радость от предстоящей поездки в деревню. Нелепая ночная смерть молодой, красивой женщины совсем не вписывалась в сияющее морозное утро. Накатились мысли о бренности всего земного, о ненужной суете и постыдном накопительстве.

– А накопительство ли это – посадить дерево и построить дом? – убеждал себя Петрович, но в деревню все-таки не поехал, а выпил таблетку аспирина и улегся на диван с газетой.

В ближайшем будущем его ожидали три свободные от дежурств дня. Можно все успеть – поработать в гараже, ста-

ренькую свою обожаемую «копейку» помыть, смазать все ее детальки, отполировать до сияющего блеска вишневый кузов и, если улучшится настроение, то и в деревню съездить.

В средней школе, построенной еще во времена Союза советских республик, он работал третий год ночным сторожем. Да и не работа это была вовсе, а возможность общения с детьми, преподавателями и своеобразная связь с внешним миром.

В отставку он вышел несколько лет назад в звании полковника, приехал на постоянное место жительства в Горевск, город, о котором мечтал в долгие годы своих мытарств по военным гарнизонам.

В заброшенной деревеньке под Горевском когда-то он жил вместе с родителями и старшим братом. Деревенька раскинулась вдоль небольшой, резвой речушки, берега которой сплошь заросли кустами калины и черной смородины. Летом, когда вызревала черная смородина, деревенская ребятня дневала и ночевала на речке. Особенно вкусные ягоды были на кустах, которые почти висели над рекой, и чтобы достать тяжелые, блестящие гроздья смородины приходилось заходить в речку, собирать их стоя по пояс в воде, и тут же отправлять в рот.

А потом, к осени, берег начинал алеть калиной. И снова работа для детей – собирать калину его с братом посылала мать, которая из калины пекла вкуснейшие пироги да пирожки, а зимой, когда корова была «в декретном отпуске»

и молока не было, на столе постоянно стоял жбан с калиновым морсом или грибом. Запах калины из русской печки сохранился в его памяти, как самое сладкое и светлое воспоминание счастливого детства.

С другой стороны, их деревня огородами примыкала к лесу. Чистый, светлый сосновый бор кормил и поил не только сельчан, но и всю их многочисленную городскую родню. За грибами и за ягодами ездили в лес целыми семьями. Запрягал отец в телегу лошадку, забрасывали туда многочисленные корзины, ставили большую банку с березовым квасом и небольшую кошелку с хлебом и салом. Вот и все сборы. В урожайные годы грибы сушились везде – на лежанке, в бане, а под стрехой сарая на шестках висели вязки с тугими боровичками.

Он мечтал после выхода на пенсию обосноваться в небольшом Горевске, ездить в свою деревню и жить неделями в родительском доме. Правда, там его уже никто не ждал – родители умерли, а старший брат давно живет отдельной, самостоятельной жизнью, где-то в Казахстане. У брата дружная семья – жена, взрослые сын и дочь, а вот ему, Петровичу, бог не дал ни верной жены, из тех женщин, что служат вместе со своими военными мужьями и переезжают из гарнизона в гарнизон, запаковав нехитрый скарб в картонные коробки, ни детей.

Родительский деревенский домик без присмотра осел на один угол, обветшал. Старый шифер на крыше пророс мхом

странного, оливкового цвета. Дубовую оконную осаду вынули, видимо, местные дачники на какие-то свои нужды. Русская печь осела вместе с домом, дымоход висел самостоятельно под потолком. Посаженные когда-то дедом в саду яблони и груши засохли, возможно, вымерзли в какую-то суровую зиму, а может от тоски по людскому вниманию. В далекие детские годы осенью сад золотился от яблочно-грушевого изобилия. Яблоки и груши снимали и укладывали в ящики, а упавшие на землю – собирали в небольшие бурты и подкармливали деревенский скот. В первый свой приезд в деревню Петрович долго стоял на пепелище своего детства и думал, что проще – снести все постройки и построить новый домик или ремонтировать то, что осталось. Тогда он твердо решил – отремонтировать и восстановить именно родительский дом. Иначе, зачем было приезжать? Строить новый дом можно и поближе к городу, благо свободных дачных участков было в изобилии.

Но новый участок, это значит все новое, чужое.

Не будет его речки с бобровыми хатками, леса, который он в былые годы исходил вдоль и поперек и до настоящего времени помнил все деревья, под которыми растут заветные боровики, самые урожайные на опята старые просеки и делянки, тайное болотное озерцо с клюквой и брусникой в мягком, шелковом мху. Нет, свою жизнь он будет доживать здесь, на своей малой родине, в тиши и благодати родительского дома.

Так появились у Петровича бытовые заботы, о которых он раньше знал только понаслышке. Во времена военной службы его быт был определен казарменным уставом, подменным жильем и казенной мебелью. В Горевске он купил однокомнатную квартиру в кирпичном доме с невысокими потолками и небольшой кухней. Без особых изысков, с помощью наемной бригады в квартире был выполнен косметический ремонт, куплена привычного казарменного стиля мебель и Петрович занялся своим сельским, деревянным домом.

Дом подняли домкратами и подвели новый фундамент, выкорчевали засохшие фруктовые деревья. Прошлой осенью Петрович посадил маленькие нежные саженцы, на зиму укутал их еловым лапником и в нынешние, свободные от ночного дежурства дни собирался наведаться в деревню, навестить молодняк. Да и доски для шалевки дома уже можно было забрать из колхозной лесопилки и перевезти в деревню. Петрович даже с колхозным трактористом договорился, и тот обещал выкроить часок и перевезти доски.

Но после пережитого потрясения его планы изменились. Он твердо решил, что никуда не поедет, полежит немного, отдохнет от всего, что произошло ночью и поднимется на восьмой этаж – возможно, там нуждаются в его помощи. Соседи все-таки.

Глава 1

Развал социалистического общенародного государства – СССР – поверг в шоковое состояние Проминвестбанк.

В плановой финансовой системе сверхдержавы банк исполнял роль финансового агента в промышленность страны. Все было четко и понятно – на счета банка под плановые инвестиции в развитие промышленности поступали государственные бюджетные средства, за счет которых расширялась, модернизировалась и ремонтировалась советская промышленность.

Банк получал от государства денежные средства, а далее осуществлял мониторинг их целевого использования кредиторами. Работала отлаженная и апробированная годами стройная система капитальных вложений в народное хозяйство.

Проминвестбанк имел свои филиалы и отделения во всех городах союза. Сеть взаимосвязанных между собой промышленных предприятий и счетов банка работала, как кровеносная система живого существа – без сбоев и заторов перемещались по ней финансовые денежные потоки между всеми участниками производственного цикла.

И вот все рухнуло.

Получившие независимость республики, входившие в состав СССР, разрубили банковские артерии по границам сво-

их, вновь созданных государств. Проминвестбанк, как перезревшая тыква под ударом молотка, лопнул и раскололся на множество неравных частей.

Каждый новый кусочек Проминвестбанка был наделен небольшим уставным капиталом и основными средствами, расположенными на его территории. О резервных фондах не могло быть и речи – все претензии кредиторов приняла на себя генеральная дирекция Проминвестбанка, там же остались резервные фонды. Это было вполне справедливое решение, так, как кредиторская задолженность банка намного превышала размер резервных фондов.

Вновь реанимированные каждой республикой Проминвестбанки практически полностью утратили ликвидность и были на грани банкротства.

Полученная от политиков свобода началась экономическим кризисом и борьбой за власть. В промышленность приходили внутренние инвесторы и за бесценок скупали износившиеся основные фонды. Самые предприимчивые и нахрапистые новые капиталисты доводили предприятие до банкротства и затем получали его даром.

Мудрый Анцев, осторожный в поступках и словах, наблюдавший агонию промышленности через призму пустых банковских счетов, говорил, что пришло время для развития частного бизнеса. Он был убежден, что работать нужно только личным капиталом и собственной головой.

Наступило тяжелое время, которое каждому в недалеком

будущем определит свое место в жизни.

Но самое главное – снова-таки рассуждал Анцев, нельзя посягать на государственное имущество, государственные предприятия должны остаться в государственном ведомстве. Он с опаской относился к незаконным банкротствам и приватизации государственного имущества, которые могут в конечном итоге завершиться для их участников уголовными делами.

Анцев верил, что в скором будущем к власти в стране обязательно придут политики и хозяйственники, которым небезразлична судьба Родины и своего народа. Они-то и потребуют вернуть похищенные ценности. И все, что ты уже успел вложить в предприятие – труды, деньги, планы на будущее, будет безвозвратно утеряно.

Горевский химкомбинат быстро утратил своих партнеров за пределами Лабении. Чтобы как-то кормить оставшийся коллектив комбинат работал небольшими объемами только на внутренний рынок.

Чарышев и Анцев продали принадлежащую им часть доли в уставном фонде химкомбината, деньги вложили в создание и запуск нового предприятия химической промышленности.

Чарышев смог привлечь в их предприятие частный капитал друзей-сибиряков, которые стали одновременно и деловыми партнерами нового предприятия, так как сами возглавляли крупные промышленные предприятия.

Все они в свое время были клиентами Проминвестбанка и

сейчас охотно согласились с предложением Анцева создать для обслуживания своих предприятий банк с частным капиталом.

Анцев продолжал работу в Проминвестбанке, но уже приглашенные им специалисты подготовили учредительные документы для регистрации нового банка и получения лицензии на все виды банковской деятельности.

Анцев выкупил у городских властей старое, пустующее здание, расположенное в тихой деловой части Москвы, в переулке Звездочет, дом 5, реконструировал его под центральный офис банка. Частный банк акционеры назвали «Капитал К», что означало капитал компании деловых людей. Вскоре банк «Капитал К» был зарегистрирован, и приступил к обслуживанию первых клиентов.

В ближайшем будущем Анцев планировал развитие филиальной сети, что особой сложности не представляло. В городах повсеместно, как грибы после теплого дождя, стали появляться пустующие здания обанкротившихся предприятий, которые можно было выкупить по бросовым ценам.

Источник для приобретения недвижимости у банка уже был. Предприятия, которые перешли на обслуживание в банк «Капитал К» постоянно имели свободные денежные средства на расчетных счетах, что давало возможность банку зарабатывать дополнительный доход на банковских торгах денежными средствами, депозитах и кредитах.

В Лабении стабилизация банковского процесса в быв-

шей филиальной сети Проминвестбанка происходила гораздо сложнее.

Республиканский Проминвестбанк, расположенный в Лабинске получил от руководства республики и национального Банка право на самоопределение формы собственности и структуры уставного капитала. За неполный год от момента государственной регистрации Лабинского Проминвестбанка, как субъекта хозяйствования, банк поменял уже несколько видов форм собственности. Как, и с чего правильно начинать восстановление деятельности банка, никто не знал.

Формы собственности менялись на бумаге, но от этого сумма денежных средств на корсчете банка не увеличивалась. Клиенты банка ожидали возобновление кредитования, без которого уже начали останавливаться производственные мощности промышленных предприятий. Но денег у банка не было. Республиканский бюджет был также пуст.

Специалисты центрального офиса надеялись, что областные филиалы в свободном плавании быстрее получат моральную и материальную поддержку от своих клиентов – промышленных и строительных предприятий области, которые могли рассматриваться в качестве потенциальных банковских акционеров.

Даже была разработана некая стратегия развития, согласно которой только после пополнения акционерами уставного капитала областных филиалов, Проминвестбанк предусматривал консолидацию своей сети в единое юридическое лицо.

Горевский областной филиал Проминвестбанка в свою очередь получил от республиканской дирекции банка временную генеральную доверенность на самоуправление в качестве юридического лица и приступил к эмиссии акций банка.

Первый выпуск акций, как первый блин – комом. Неграмотно и экономически неэффективно.

В банке отсутствовали внутренние нормативы по акционированию и профессионалы по ценным бумагам. Кроме того, клиенты банка, у которых сохранилась наработанная прибыль, не видели свои интересы в инвестировании средств в акции банка.

В результате Банк не смог реализовать акции первого выпуска, и было принято силовое решение о выкупе акций работниками филиала. Служащие банка не получили очередную заработную плату за текущий месяц, их заработная плата устным распоряжением Авдея была направлена в уставный фонд банка.

Начальник филиала, бывший партийный идеолог, так и не понял, что наступило время кардинально менять стиль, наработанные привычки руководства предприятием и управления коллективом. За время работы в партийных органах он привык к неукоснительному исполнению своих распоряжений руководителями всех рангов.

Неудачу с размещением первой эмиссии акций начальник филиала самокритично расценил, как личные упущения в

работе с клиентами. Ситуацию с продажей акций следовало как-то переломить, и Авдей решил провести ряд дружеских встреч с руководителями предприятий-клиентов банка.

В банке начались ежедневные «теплые» встречи с клиентами, руководители которых принимали приглашения посетить банк для обсуждения текущих вопросов, но подписываться на акции не торопились.

Результат от проведенных встреч остался нулевым. Главного бухгалтера филиала Ступину материальные результаты деловых встреч начальника с клиентами повергли в шоковое состояние. Она с ужасом представляла состав отчета по представительским расходам филиала за текущий период.

Смета на проведение встреч с клиентами превзошла по сумме ее самые мрачные ожидания.

Софья Анатольевна долго всматривалась в итоговые суммы сметы, которую ей предоставила Золотарева, а затем решительно отправилась выяснять отношения с Авдеем.

Когда она вошла в кабинет Авдея, он разговаривал по телефону. Ступина, не ожидая приглашения, уселась на стул, вслушалась в телефонный разговор. Эдвард Станиславович, скорее всего, отчитывался перед генеральным директором банка за результаты подписки на собственные акции.

– Не знаю, что еще можно предпринять по этой подписке, – сказал Авдей, попрощавшись с директором банка, – скоро истекает срок перерегистрации банка, и директор мне пообещал, что уволит меня с работы, как не справившегося с

исполнением собственных обязанностей. Вы давно здесь работаете, Софья Анатольевна, хорошо знакомы с клиентурой. Может, Вы мне что-то посоветуете, или окажете помощь в работе с клиентами?

– Клиентуру я, конечно, знаю. Но не того состава, который нужен при проведении подписки. На предприятиях все решают первые лица руководства и финансисты. А я работаю с главными бухгалтерами. Я думаю, что Вы изначально выбрали неправильную тактику. Нужно в первую очередь создать отраслевой отдел по ценным бумагам, укомплектовать его самыми творческими, активными и грамотными специалистами. Потом будет с кого спросить.

– Где мы с Вами найдем этих творческих людей? Я в своем коллективе вижу простых исполнителей.

– Творческие и активные специалисты у нас имеются, только некоторые из них сейчас в декретном отпуске. А если конкретно, то я имею в виду Зою Чарышеву. У нее голова, как безупречно работающий компьютер, там найдется ответ на любой вопрос. Она умна, осторожна и деликатна в общении с людьми. Во времена Анцева Зоя Чарышева работала как представитель банка только с первыми лицами клиентов.

– Так, так, так, – заинтересовался Авдей, – продолжайте.

– Хорошо, – согласилась Ступина, – ее участок работы с клиентами в те времена был не простой и, надо прямо сказать, неоднозначный. Но от руководителей предприятий на нее не поступило ни одной жалобы или нарекания! Кроме

того, не забывайте про авторитет ее семьи в директорском корпусе области. Ее отец очень уважаемый человек среди своих коллег. Ее мужа до настоящего времени вспоминают добрым словом все директора предприятий. Настало время ей отдать долги банку. Вы, наверное, не знаете, что за счет средств банка она получила сначала среднее специальное, а затем высшее образование. Вызывайте ее на работу.

– А каким образом можно это сделать? – совсем оживился Авдей.

– Если захотеть, то все можно сделать, – ответила Ступина, – конечно, Чарышев и Анцев будут против того, чтобы она прервала отпуск по уходу за ребенком. Но она сама человек очень обязательный – если к ней обратиться с просьбой и намекнуть, что долги нужно возвращать, то я думаю, проблем не будет – она выйдет на работу.

– Очень дельный совет, – одобрил Авдей, – немедленно этим займусь. А Вы пока можете быть свободны.

– Я, собственно, пришла к Вам по другому вопросу, – уходить Ступина не спешила, – еще хочу Вам сказать, что никогда через застолья банки не решали свои проблемы с клиентами. Мне кажется, что так мы вскоре окончательно потеряем свой авторитет среди юридических лиц. Центральный офис, кроме недосказанных и достаточно противоречивых указаний и инструкций, нам ничем помочь не может. Они сами в этой ситуации выглядят слепыми котятами, потерявшими дорогу домой. Во всех письмах в структурные

подразделения красной нитью идет одна и та же просьба – изучить, подумать вместе с заинтересованными отделами и дать свои предложения по дальнейшей работе. Так, что решать проблему перерегистрации филиала нам придется самостоятельно. Не думайте долго, создавайте специализированный отдел. Даже за счет численности других подразделений. Вот, скажите, Вы разве не сможете обойтись без своего помощника? Какие функции здесь исполняет Золотарева? Приготовить бутерброды и водку по стаканам разлить? Без нее справимся. Если подумать, то у нас в филиале еще подобные золотаревы найдутся. Сокращайте их немедленно, а за счет сокращения создавайте новую структуру.

Авдей прислушался к мнению своего главного бухгалтера, сократил должность помощника начальника. Но оставить Ингу без работы он не мог. Инга ушла на повышение и получила место управляющего городским отделением Проминвестбанка.

Инга получила должность, к которой давно стремилась. Диплом о высшем образовании каким-то странным образом она уже успела получить. Всем любопытным поясняла, что окончила коммерческий институт в Лабинске. Там, понятное дело, деньги решали все, даже досрочные экзамены за все курсы. Кроме всего, Инга усиленно анонсировала свою дружбу с Авдеем и близость с Киреевым. Все понимали, что это простой пиар, но ее начали откровенно бояться. Правда, она сама считала, что это только начало ее популярности и

карьерного роста.

Инга изменилась и внешне. Неприятный запах ее тела сменил аромат дорогих духов. Ноги стилисты прикрыли длинными юбками, изменили стрижку. Ежедневные застолья пошли ей на пользу – формы тела и лицо округлились, а длинный носик перестал напоминать тонкий птичий клюв. Она заканчивала строительство своего загородного дома, а пока жила вместе с Савелием в малогабаритной квартире, где через тонкую перегородку в тесной комнатенке продолжала ютиться Оксана. Официальный муж Инги – Сергей, сам воспитывал двоих детей, материальную помощь брошенной семье Инга не оказывала.

Отдел ценных бумаг в областном филиале Проминвестбанка Авдей создал, но все должности оставил там вакантными – это был подарок Зое Чарышевой. Эдвард Станиславович был неплохим организатором и дипломатом, но банковский производственник из него пока не состоялся, поэтому он не стал гадать на ромашках, какие должности необходимо ввести в специализированный отдел. В ближайший выходной день он планировал навестить Чарышевых в их загородном доме. Зое Николаевне он уже позвонил, она согласилась на домашнюю встречу.

Зося догадывалась о цели визита своего начальника – Ванечка ей часто рассказывал о ступоре, в котором оказался филиал. Все, что в последний год происходило в Проминвестбанке, ее волновало не меньше, чем работающих коллег.

Это был ее банк, в котором она, одинокий ребенок, нашла поддержку и помощь от солидных, взрослых, и тогда, совершенно чужих людей.

В банке и сейчас работала уважаемая клиентами команда, которую создал когда-то Анцев. Это был коллектив умных, талантливых, коммуникабельных, но скромных профессионалов, что сразу понял и оценил Авдей, который полагал, что слава и гонорары за достижения коллектива должны быть единоличны и принадлежать персонально только ему, Авдею Эдварду Станиславовичу.

Авдей запретил служащим банка без его согласия звонить в республиканский банк для выяснения непонятных вопросов. Валентина Васильевна, бывший управляющий городского отделения банка, через голову Авдея внесла на рассмотрение центрального аппарата предложение о дальнейшей тактике работы с клиентами, и моментально была отстранена от занимаемой должности. На ее место он сразу назначил амбициозную Ингу и банковский коллектив примолк.

Зачем вносить какие-то предложения и высказывать идеи, за которые сразу же можно лишиться работы? В банке наступило время террора и запугивания. Были запрещены десятиминутные перерыва на чаепития, пресекались коридорные встречи и разговоры с клиентами.

Авдей создал грамотную службу безопасности, в которой начали работать отставники из органов государственной без-

опасности и министерства внутренних дел.

Служащие начали догадываться, что в кабинетах установлена профессиональная прослушка всех разговоров. Первым за нелестные отзывы о методах работы Авдея был уволен с работы заместитель начальника. Грамотный специалист, много лет работавший на этой должности, никогда прежде не торопился судить и осуждать поступки других людей со своей точки зрения, и, вот, сорвался. В разговоре с начальником отдела кредитования резко критиковал нововведения в систему управления кадрами, как ненормальное явление в ранее благополучном коллективе. Разговор был записан службой безопасности, немедленно передан начальнику.

Место заместителя начальника управления занял такой же дилетант практического банковского дела, как и сам Авдей. Тимох Анатолий Егорович прежде работал начальником службы инкассации национального банка. А вообще свою работу в банке начинал с должности рядового инкассатора. Образование получил заочное, экономическое. Представление о банковской работе для него, в первую очередь, было связано с доставкой денежной наличности. Основные отрасли банковской деятельности он не знал.

Авдей, «нулевой» производственник и средний по человеческому фактору человек, скорее всего, боялся поставить рядом с собой сильного человека или идущего впереди его банковского знатока. Он считал, что в банке работают от-

раслевые отделы, которые должны осуществлять банковский процесс, а общее руководство коллективом простая задача для любого хозяйственника.

Таким банк стал сегодня.

Зося по закону должна была приступить к работе в банке не ранее, чем через год.

Сам процесс банковского производства потерял для нее профессиональный интерес. Возвратиться на работу в банк ее обязывала совесть, а практичный ум требовал, как можно скорее развернуть собственное дело, полезное не только ей, но и обществу.

После своего замужества она продолжала жить в Горевске, в отцовском доме.

В Москве бывала короткими наездами – не могла надолго оставить без поддержки Людмилу и совместный бизнес.

Анцев по-прежнему много работал с клиентами, создавал частный банк. Если раньше он, в первую очередь, получал в работе спасение от своего одиночества, то теперь хотел получить еще и материальную отдачу, чтобы достойно, по-мужски, содержать семью и было, что оставить в наследство своему маленькому сыну Александру.

С Санечкой у него были особые, взрослые отношения. В его присутствии Санечка никогда не капризничал и не скандалил. Малыш вслушивался в спокойный голос своего папочки и неукоснительно ему подчинялся.

В ближайшем будущем Анцев планировал забрать Санеч-

ку в Москву, и уже подобрал частный детский сад, в котором воспитатели разговаривали со своими воспитанниками на иностранном языке, а игры допускались только интеллектуального направления. Санечка должен вырасти настоящим мужчиной, добрать все те качества, которые недополучил его родной отец.

Роза Самуиловна рассердилась и даже обиделась на Анцева, который хотел увезти маленького Санечку из родного дома. Здесь он жил в семье, среди любящих его людей. Она доказывала Анцеву, что любовью нельзя испортить характер ребенка, любви не бывает много, а иностранные языки она знает в совершенстве и Санечка вполне может стать ее любимым учеником. Но обычно покладистый и уважающий мнение другого человека Анцев, не спешил менять свою точку зрения, так как приведенные доводы считал неубедительными. Он говорил, что не собирается лишать маленького Санечку любви близких людей, но лучше, если он будет взрослеть без лишних поцелуев и обожания женской половины его семьи. Александр третий Анцев должен стать достойным преемником его жизни и бизнеса.

Зося с мужем не спорила. Во-первых, она знала, что Александр Михайлович умел отстаивать принятые им решения, а во-вторых, считала, что частный московский садик намного превосходит по качеству детского воспитания аналогичные учреждения в Горевске.

Самое главное, если Санечка научится от Анцева его

принципам жизни и будет повторять все достоинства и, даже, недостатки своего папочки, то это уже будет самой большой удачей в деле воспитания ребенка. От Горевска до Москвы не такое большое расстояние, чтобы испугаться разлуки с маленьким сыном. С Анцевым они встречались не мене четырех, а то и пяти раз в месяц. Санечке тоже придется привыкать к частым путешествиям между Лабенией и Россией.

Последнее время Анцев пользовался услугами авиатранспорта, поэтому дорога занимала не более двух часов. Он вечером, накануне выходного дня, вылетал из Москвы, через два-три часа держал на своих руках драгоценную жену Зосеньку и любимого сына Александра. Он звонил ей на мобильный телефон, когда открывал входную дверь дома. Иногда он не успевал снять верхнюю одежду, как Зосенька уже висела на его шее, а Александр крепко цеплялся за ноги.

Зося авиатранспорту предпочитала железную дорогу. Ночь, проведенная в спальном вагоне, для нее стала привычным явлением. На вокзале ее всегда встречал муж. Если она везла с собой сына, то Александр Михайлович входил в вагон и забирал Санечку. Когда она приезжала одна, то он ожидал ее на перроне вокзала.

Анцев утверждал, что ожидание прибытия поезда и появления из вагона любимой женщины это и есть тот драйв, который стимулирует жизненный потенциал.

Ставши мужем и женой, они так и не смогли привыкнуть к счастью обладания друг другом. Их физическая близость

каждый раз превращалась в яркий праздник, посвященный любви и ничем не напоминала простое исполнение супружеского долга.

Они оба никогда не были публичными людьми, и личное время предпочитали проводить дома, в своей семье.

Зосина овощная плантация приносила ей, а вместе с ней и Людмиле, стабильный доход.

Этим летом у них работали два агронома. Станислав-внук, для Людмилы и Зоси – просто Стас, по терпению ухода за капризными сортами овощей ничуть не уступал своему деду.

Агроторговая фирма «Чары» постепенно стала популярной в городе Горевске, торговые павильоны по продаже овощей всегда собирали очередь в несколько десятков человек. Чистые, свежие овощи и зелень, упакованные в нарядные корзиночки, стали появляться на столах в самых богатых семьях города и украшать праздничные столы в предприятиях общепита. Овощи, купленные у фирмы «Чары», горожане относили к категории удачных покупок.

Часть своего дохода Зося направляла на благотворительные цели. Полгода назад она побывала в возрождающемся женском монастыре и познакомилась с игуменьей монастыря, матушкой Евгенией. С тех пор и стала штатным посетителем монастыря.

Игуменья рассказала Зосе, что 70 лет дворовая территория монастыря разорялась от безбожия жизни и находилась

в запустении. Ныне она планирует восстановить храм и корпуса монастыря, но надежда только на праведных меценатов.

Конечно, уже сейчас сестры не пойдут побираться по стране, как бывало ранее, потому, что заведено в монастыре свое хозяйство: поля для посадки картофеля и посева зерновых культур, огород, начал плодоносить сад и ягодный участок. Построен и заселен домашними животными и птицей скотный двор.

Городские власти передали монастырю в долгосрочную аренду землю с заливными лугами. Хотела бы еще, говорила матушка игуменья, открыть столовую для многочисленных бездомных и паломников, а также отремонтировать для их ночлега старый, обветшалый монастырский корпус. Силы у насельниц для приготовления обедов имеются. Хватает и собственных продуктов, а, вот, денег для ремонта здания и приобретения оборудования с постельными принадлежностями – нет.

В тот же месяц Зося передала монастырю один из своих грузовых пикапов. К счастью, среди послушниц монастыря нашлась женщина-водитель, проблема транспортных перевозок для монастыря была сразу решена. Зося стала ежемесячно посещать монастырь с новыми дарами – постельное белье, кровати, строительные материалы. За свои небольшие деньги она старалась покупать для монастыря только самое необходимое, но перечень срочных покупок пока не сокращался.

Чарышев тоже начал выделять деньги из своих доходов и отдавал их Зосе, для передачи монастырю. Николай Васильевич вспоминал, что его мать рассказывала, как состоятельные князья Чарышевы с готовностью жертвовали средства на возведение храмов, учреждение приютов, богаделен, больниц. Или, просто кормили, одевали, обували голодных бродячих людей. Он поощрял благотворительную деятельность дочери и считал это проявлением благородства ее характера.

Анцев же все поступки и стремления своей любимой жены считал правильными и благородными, никогда и, ни в чем, ее не ограничивал, тем более, не критиковал. Контроль денежных средств, которые тратила на свои нужды жена, он всегда считал недопустимым. Он выделял деньги жене в значительных суммах, но никогда не интересовался, с какой пользой для семьи она их потратила.

Так благотворительность стала для Зоси важной частью ее деловой жизни. Осенью она планировала на городской площади провести благотворительную ярмарку, где овощи фирмы «Чары» и выращенные монастырскими насельницами фрукты и ягоды будут предложены горожанам по достаточно высоким ценам, чтобы собрать солидную выручку и направить монастырю на восстановление храма. Условия проведения ярмарки были уже оговорены с городскими властями, в средства массовой информации запускалась реклама.

По мнению Анцева, Зосе следовало бы для улучшения ка-

чества благотворительной деятельности провести еще одно важное мероприятие – учредить благотворительный фонд, создать попечительский Совет и пригласить туда представителей юридических лиц, органов государственной власти и общественности. Создание фонда, безусловно, привлечет внимание предприятий и предпринимателей к проблеме возрождения в Горевске такого исторического памятника культуры, как храмы монастыря. Предприятия смогут вполне на законных основаниях направлять денежные средства на счет фонда для использования их на благотворительные цели согласно Уставу фонда.

Основные направления деятельности благотворительного фонда можно расширить и включить туда оказание помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, проживающим при монастыре или в детских домах. Тем более что матушка игуменья не один раз говорила о том, что очень бы хотелось построить при монастыре приют для детей-сирот. Анцев был уверен, что городские власти Горевска обязательно поддержат инициативу по созданию благотворительного фонда, и для оказания помощи направят в попечительский совет своих представителей.

Для самой Зоси будет устранена проблема личной персональной ответственности за расходование привлеченных денежных средств, так как соответствующий контроль будет осуществлен попечительским советом. Зосе очень понравилась идея создания благотворительного фонда, но в респуб-

лике пока отсутствовала законодательная и нормативная база по созданию и работе благотворительных фондов. Существуют ли аналоги в бывших союзных республиках, она не знала, а перед попыткой создания солидного фонда хотелось бы хоть в общих чертах иметь представление о его работе.

Анцев пообещал ей, что попробует организовать для нее поездку в Европу, где такие фонды имеют долгосрочный опыт работы. И, скорее всего, это будет Великобритания, где сейчас работает Саша – готовит документы по открытию отделения банка «Капитал К».

Зося сразу насторожилась – опять организованная встреча с Сашей. Возможно, вскоре последует новое выяснение отношений, но подумала и успокоилась. Никакого выяснения прошлых отношений своей жены и сына, Анцев не планировал. Он хотел ей помочь, а встреча Зоси и Саши его практически не волновала – он верил в ее любовь и не сомневался в совместном будущем.

Но поездка в Европу могла состояться только в перспективе, через месяцы или годы, а сейчас Зося продолжала оставаться со своей благотворительной деятельностью в одиночестве, конечно, если не считать поддержку отца и мужа. Собственный бизнес тоже требовал много личного внимания и усилий.

Несколько месяцев назад Зосе приглянулось старое здание на одной из пешеходных улиц Горевска. Стены трехэтажного здания были выполнены из красного кирпича пре-

восходного качества. Если крыша давно зияла провалами и сгнившими стропилинами, то на стенах не было ни единой трещины или развалившегося от старости кирпича.

В городской архитектуре ей сказали, что здание построено около ста лет назад, но давно не эксплуатируется. Городские власти дважды включали его в план сноса ветхих зданий, но каждый раз рука не поднималась рушить эти старинные стены. Таким качеством кладки не могут похвастаться самые современные кирпичные сооружения. Цена здания с учетом износа сущие копейки, и, если найдется предприниматель, который своим бизнес-планом докажет перспективность будущего проекта с использованием здания, то городские власти его продадут.

Управление капитального строительства горисполкома несколько лет назад приглашало проектный институт для предварительной оценки стоимости работ по восстановлению здания. Оценочную ведомость работ нашли в архивах исполкома и отдали Зосе для ознакомления.

Как и следовало ожидать, средства для выполнения ремонта и реконструкции здания необходимы немалые, но оно того стоит, Зося была в этом уверена – здание расположено в центре Горевска, имеются все коммуникации, отличный подъезд и благоустройство. Зося забрала документы для их тщательного изучения, снова вышла на улицу, где стояло здание, и тщательно его осмотрела. Конечно, именно это здание отвечало всем ее планам по созданию собственного

ресторана и кафе.

На первом этаже могут разместиться предприятия общепита, а два этажа займет гостиница. Обязательно с комфортабельными, дорогими номерами, отвечающими самому взыскательному посетителю. Родной Горевск достоин иметь не только такую гостиницу, но и ресторан с национальной русской кухней. Зося составила бизнес-план, показала отцу. Николаю Васильевичу идея создания в Горевске гостинично-ресторанного комплекса понравилась, но он категорически возражал против Зосиной предпринимательской деятельности.

– Овощи вы с Людмилой выращиваете, продаете, благотворительностью занимаетесь – все, нагрузка для вас вполне достаточная. А ты, Зосенька, не забывай, что у тебя есть семья. Я, конечно, очень рад, что ты осталась жить в Горевске, со мной, но как на эту проблему смотрит твой муж? У нас солидный бизнес в Москве и Горевске, разве тебе не хватает денег, чтобы жить для себя и своей семьи? Откровенно говоря, я не понимаю, и не одобряю позицию Александра Михайловича, который всегда согласен с твоими планами, какими бы бредовыми они не были. Сначала я должен поговорить с твоим мужем, а потом будем принимать решение о покупке для твоей фирмы здания. Поверь мне, доченька, мне совершенно не жаль денег на это приобретение, но я не хочу, чтобы ты занималась тяжелым мужским бизнесом. Тем более, время сейчас не самое подходящее для женской само-

деятельности. Ты у меня единственная, и я хочу, чтобы ты всегда была в безопасности.

Александр Михайлович, напротив, Зосин бизнес-план сразу одобрил и сказал, что приобретенное сегодня здание, может в будущем стать достаточно выгодным вложением средств. Вот, только не следует вкладывать в эту сделку наличные деньги. На страну катит, как цунами, гиперинфляция и денежные средства, если они в твердой валюте, сами могут стать источником дохода.

Нужно только правильно их вложить. Приобрести здание должен завод, а в дальнейшем Зося получит его простой передачей с баланса на баланс.

– Да, – сказал Чарышев Анцеву, когда они остались наедине, – я куплю это здание, раз вы оба настаиваете. Я сам понимаю выгоду приобретения. Но скажи мне, Александр Михайлович, почему ты так быстро оказался под каблуком моей дочери? Ты беспрекословно исполняешь все ее требования и, даже, капризы. Она должна сидеть дома, суп варить и заниматься воспитанием сына. Пусть ее деятельность ограничится благотворительностью. Это я понимаю. Мы, что, с тобой вдвоем не можем обеспечить ей материальное благополучие? Ты соглашаешься со всеми ее решениями, не думая о последствиях. А я за нее боюсь! Ты знаешь, кто сейчас стремится в бизнес? Наверняка, знаешь! Бандиты и проходимцы легализовывают свой капитал, и они не выбирают методы и правила ведения бизнеса. Сейчас решает все сила. Куда моей

девочке до бандитских группировок? Ты этого не боишься? Самое простое решение – как Зосенька скажет! А Зосенька, по сути, еще ребенок. Мой единственный ребенок!

– Я тоже боюсь за Зосю, – ответил Анцев, – но это не значит, что ее нужно держать в клетке, чтобы она не опалила свои крылышки. Ты знаешь, что певчие птички в клетке не поют! У Зосеньки огромный жизненный потенциал, и она должна его реализовать. Я не могу вместо нее самой распоряжаться ее жизнью. Свою жизнь она вправе прожить самостоятельно. Я могу ей только помочь. Ты думаешь, в банке не нашлась бы для Зосеньки должность? С ее умом и талантом организатора она могла бы работать моим заместителем. Кстати, хорошо, что вспомнил – нужно ввести ее в состав правления банка. Будет в курсе всех банковских текущих дел. А вот жить в Москве она не хочет. Огромный город давит на ее психику, мешает развернуться. Здесь у нее все свое, родное. Она давно, еще до рождения Александра, сказала мне, что никуда из Горевска не уедет. Это ее Родина.

– И хорошо, – одобрил Николай Васильевич, – ты сам перебирайся к нам.

– При всем моем желании быть всегда рядом с женой, оставить свой банк на чужих людей я пока не могу, – ответил Анцев, – стабилизируется экономическая ситуация в стране, тогда можно будет назначить генерального директора, а самому вместе с Зосенькой заниматься благотворительностью или стать ресторатором. А там глядишь, Александр подрас-

тет, займет место главы банка и вообще все проблемы решатся.

– Это будет еще нескоро, и за это время Зосю может раздавить непомерная нагрузка. Почему ты ей все позволяешь?

– Конечно, я поддерживаю все решения моей жены, потому что они разумны, – защищал свои и Зосины позиции Анцев, – А если она в чем-то сомневается, то не стесняется попросить совета. Меня это вполне устраивает. Я ей доверяю. Надеюсь, что она мне тоже. Ты говоришь, что я попал под ее каблук? Уверяю тебя, что это не самое плохое место. Я живу и работаю для своей семьи. Они главные составляющие моей жизни. Мой бизнес легален, стабилен и экономически выгоден. Все у меня в жизни, не дай Бог сглазить, хорошо. Причина проста и понятна, у меня есть огромный жизненный стимул – рядом со мной верная, любимая спутница, которая не предаст и не обманет.

– Прекрасно, зачем тогда твоя жена занимается бизнесом? – не унимался Николай Васильевич.

– Для самореализации, – ответил Анцев, – материальное благополучие своей жене я уже, можно сказать, обеспечил. Моя Зосенька на сегодняшний день владеет недвижимостью, стоимость которой несколько десятков миллионов долларов. Рыночная стоимость этой недвижимости увеличивается с каждым днем. Кроме недвижимости у нее контрольный пакет акций банка «Капитал К», который она получила в счет внесения в уставный капитал банка, принадлежащее

ей на праве собственности здание центрального офиса. У нее имеются валютные счета в Швейцарии. Сейчас мы готовим проведение операции, по результатам которой состояние моей барышни будет уже оцениваться сотнями миллионов долларов. Но, хочу заметить, что к существованию этих миллионов моя жена практически равнодушна. Она соглашается, что, да, деньги нужны для будущего нашей семьи, но особой радости от их наличия, я у нее не замечаю. А вот о десятке тысяч долларов, заработанных собственной деятельностью, она мне готова рассказывать сутками. Причем, с сияющими от счастья глазами. Она творческий человек, радость ей может принести только результат ее собственного труда. Я ответил на все твои вопросы? А сейчас готовь для Зоси доверенность и все остальные документы на право приобретения недвижимости для завода химической промышленности.

– Хорошо, – вздохнул Чарышев, – куплю я это здание.

– Ты упустил один вопрос, над которым я начал задумываться всерьез – охрана Зосе действительно необходима. Если не подберешь охранника, то найми для нее хорошего водителя, который смог бы исполнять функции охранника. Такого, скажем, как твой Левон, – попросил Анцев.

– Водителя я уже хотел нанять, или Левона готов пересадить в ее машину. Левон тоже согласен. Но Людмила никого и близко к Зосиной машине не подпускает. Говорит, что сама добровольно на себя возложила ответственность за Зосину безопасность. Ты знаешь ее характер – уперлась, с места

не сдвинуть. Пока убедить ее у меня не получается. Поговори с ней сам.

– У тебя с Людмилой намечаются какие-то отношения? Убедить нельзя только женщину, с которой проводишь темную часть суток. С остальными, окружающими тебя людьми, общий язык всегда можно найти.

– Ты прав. Наметились отношения, но именно только на темную часть суток. На большее мы с ней пока не готовы. Боюсь, что я неправильно выразился – никогда готовы не будем. Это более правильное определение наших отношений. Далее может возникнуть простая привычка – быть даже не вместе, а просто рядом, и не более.

Зося получила от отца документы на право приобретения здания, приложила к ним свой бизнес-план и все отнесла в приемную мэра города.

Через несколько дней ей позвонили, и назначили встречу с мэром. С мэром города Зося уже встречалась по вопросам открытия счетов для сбора средств от благотворительных пожертвований на восстановление храма женского монастыря. Он ей тогда показался очень уставшим и отчаявшимся от бессилия человеком, которому срочно нужен долгосрочный отдых вдали от городской суеты и ответственности за судьбы многих людей.

В точно назначенное время она была в приемной председателя горисполкома. В кабинете мэра уже находился один человек, которого ей представили, как основного ее конку-

рента на право приобретения здания.

Председатель горисполкома без долгих предисловий сказал, что предпочтение отдано проекту господина Чарышева. Город давно нуждается в приличной гостинице, чтобы можно было достойно разместить посещающих с деловыми визитами бизнесменов, да и просто туристов из других стран. А ресторан с национальной кухней прекрасно разнообразит досуг гостей.

Второй проект по использованию здания, в настоящее время пока для города неприемлем – казино в центре города в будущем принесет правоохранительным органам только неприятности. В любом случае городская казна будет в существенном выигрыше от легального гостиничного и ресторанного бизнеса, нежели, чем от сомнительных доходов казино.

Мэр города вручил Зосе решение горисполкома о продаже здания и прилегающего к нему земельного участка заводу химической промышленности, и попросил ее на несколько минут задержаться в его кабинете.

Когда Зосин конкурент вышел из кабинета, мэр сказал, что конкуренцию заводу составила фирма «Недвижимость», а представлял фирму ее глава, некто Грин Михаил Ефимович, в своей среде – «зелененький». Свою странную кличку получил, возможно, за любовь к зеленой валюте американцев, скупкой-продажей которой он до недавнего времени нелегально занимался. На этих сделках и разбогател. Но

«зелененьким» он мог стать и со школьных лет, за свою настоящую фамилию. Фамилию Зелень, которую он получил от родителей при рождении, при получении паспорта он поменял на фамилию Грин. Видимо, известная фамилия настраивала его на романтический лад. Но кличка «зелененький» за ним так и осталась. Сейчас Грин зарегистрировал фирму «Недвижимость» и занимается перепродажей недвижимости. Здание, вероятно, тоже хотел купить для дальнейшей перепродажи. Через два-три года за это здание и участок земли в центре города можно получить хороший доход.

По сведениям городских правоохранительных органов, господин Грин тесно связан с криминальными структурами и, возможно, попытается силой заставить Чарышева уступить ему это здание.

С Николаем Васильевичем мэр был давно знаком – работал на химкомбинате начальником планового отдела. Потом не справился с бившей через край молодой энергией, ушел в политику. Так оказался в чужом для себя кресле. Недавно написал заявление с просьбой об отставке. Хочет возвратиться в производственную деятельность. На прощание мэр просил передать привет Николаю Васильевичу и сказать ему, что при возникновении конфликтной ситуации с этим зданием, решать проблему нужно только через правоохранительные органы. Силой убеждения с «зелененьким» и его командой, пожалуй, не справиться.

Зося попрощалась и вышла в приемную. Там ее ждала

Людмила. Вместе они вышли из приемной, узким коридором направились к выходу. Коридор освещался тусклым светом лампочек, имел несколько переходов через длинное, неудачной планировки здание мэрии. В самой темной части коридора на очередном переходе стояли два человека. Когда Зося и Людмила подошли поближе, в одном из них Зося узнала «зелененького», второй человек был на голову выше своего спутника, длинными руками и ногами напоминал огромную обезьяну. Мужчины встали рядом, и пройти между ними было невозможно. Михаил Ефимович протянул Зосе руку и сказал:

– Давай знакомиться, конкурентка! Разговор есть.

– Нет у нас с Вами общей темы для беседы, – проигнорировала Зося протянутую руку, – пропустите нас. Или совсем голову потеряли – среди бела дня, да еще в здании мэрии, на женщин нападаете?

– Сначала поговорим, тогда и пропустим. Ты согласен со мной, Аркаша?

Аркаша громко засмеялся, кивнул головой и еще шире расставил свои длинные ноги, обутые в легкие летние сандалии. Людмила подошла к нему и толкнула его рукой:

– Давай, урод, посторонись!

Но Аркадий крепко стоял на ногах и нагло улыбался. Тогда Люда каблуком летней туфли резко ударила его по прикрытой только ремнями сандалия ступне. Аркадий заорал от боли, по ноге струйкой потекла кровь. В довершение оста-

лось только толкнуть его еще раз, он прижался к стене и проход освободился. Людмила схватила Зосю за руку, и они пробежали мимо ошеломленных мужчин.

– Я тебя, рыжая стерва, обязательно найду! – Вслед им заорал Аркадий.

Но в коридоре уже начали открываться двери кабинетов и появились люди. «Зелененький» направился к выходу, вслед захромал Аркадий.

Зося и Людмила решили, что о своем злоключении дома они рассказывать не будут. Николай Васильевич периодически начинал говорить о том, что для женщин нужно нанять охрану или подыскать нового водителя, лучше из отставников военной службы или милиции. Зося не могла смириться с тем, что за ней постоянно будет ходить незнакомый человек и контролировать все ее действия и поступки, а Людмила любую ситуацию рассматривала, как обычное приключение, с которым она должна уметь справляться самостоятельно.

Работая таксистом, Людмила окончила курсы самозащиты от нападения, и в совершенстве владела некоторыми приемами каратэ.

Сейчас Людмила жила наполненной, радостной жизнью. Жизненная энергия била в ней через край, не позволяла находиться долгое время без движения. Ее мечты начинали сбываться, а жизнь удивительно изменилась – она стала вполне обеспеченной женщиной, работала на себя любимую, имела возможность материально поддержать мать и сестру.

Но, самое главное, у нее была богатая подруга, которая нуждалась в ее помощи и общении. Зося была мозгом их делового сотрудничества. Ее решения Людмила никогда даже не пыталась оспорить или подвергнуть какому-то сомнению. Если Зося приняла решение, то оно сразу становилось окончательным. Но в делах житейских, Людмила чувствовала свое превосходство и старшинство. Она опекала Зоську, как курица-наседка своих, только что вылупившихся из яйца, цыплят. В Зосиной жизни Людмила хотела быть единственной подругой. Только при таком раскладе все ее планы могли претвориться в реальную жизнь!

С некоторых пор и мужчина появился в Милочкиной жизни. Правда, встречи с ним сама Людмила обставляла полной секретностью и старалась пока, до поры, до времени, сохранить в тайне от близких людей, особенно от Зоси. Людмилиной тайной стал Зосин отец, Николай Васильевич.

Это случилось зимой, когда вечера были длинные и замкнутые в стенах Чарышевского особняка. Зося ранним вечером забирала Санечку и уходила наверх, в свои комнаты. Перед сном Санечка требовал от мамы сказку, Зося долго читала ему книжки, а потом они вместе засыпали. Роза Самуиловна тоже рано укладывалась спать.

Вот тогда и наступало время Зосиной компаньонки. Люда прихорашивалась, готовила чай и несла в кабинет Николаю Васильевичу. Он откладывал свои бумаги в сторону и вместе с Людой пил ароматный травяной чай, который в этом доме

умела заваривать только она. После чаепития Людмила не спешила собирать чашки, а устраивалась на диване, напротив рабочего стола Николая Васильевича и наблюдала, как он что-то пишет, или правит в разложенных на столе бумагах. На его рабочем столе усилиями дочери появился компьютер и он, морща лоб и нахмурив брови, учился извлекать из мерцающего голубого экрана все необходимые ему для работы цифры и сведения. Отчеты экономических служб завода в компьютер отца внесла Зося. Зося не только заставила отца установить на рабочий стол компьютер, но и усердно помогала ему освоить эту, по ее мнению, замечательную технику, без которой можно загубить любой бизнес. Зося была решительна в своих требованиях, вот и пришлось Николаю Васильевичу записаться в домашний компьютерный класс. Туда же она приглашала и Людмилу, но Люда напомнила подруге ее любимую поговорку – каждый должен заниматься своим делом, чем спасла себя от бесполезных усилий.

А Николай Васильевич считал позором для себя оставаться на задворках современных технологий ведения производства, и в его лексиконе появились незнакомые Людмиле названия компьютерных программ и терминов.

В тот вечер она смотрела на его изящную руку, которая лежала на маленькой пластиковой коробочке под странным названием «мышка» и думала о том, что Николай Васильевич и Зоська удивительно похожи друг на друга и это, несмотря на то, что внешне совершенно различные люди. У Зоськи та-

кие же, как у отца тонкие пальцы, и лоб она морщит так же, как он, и это значит, что она что-то сосредоточенно просчитывает. С вопросами к ней в это время лучше не приставать, все равно не услышит.

Милочкино сердце наполнилось гордостью за себя, решительную и смелую – смогла же она без посторонней помощи завоевать сердца этих двоих представителей княжеского рода, от которых сейчас зависит ее благополучие и достаток. Она подошла к Николаю Васильевичу и нежно поцеловала его в губы. Только этот поцелуй получился совершенно не дружеским и закончился уже на диване.

Людмила впервые в своей жизни узнала, что ласка мужчины может быть нежной и деликатной. Любовь со своими сверстниками, которую она знала прежде, была грубой, торопливой и, иногда сопровождалась первосортным матом. Она совсем не возмущалась, когда от партнера отвратительно пахло дешевым алкоголем или табаком. В свою очередь ее «мальчики» не интересовались красотой Милочкиного белья, тем более, их не смущал запах ее косметики. Николай Васильевич был мужчиной из другого мира, и физическая близость с ним в корне изменила Милочкины требования к качеству своего белья и производителям косметики. Нужно было соответствовать…

Милочка по-прежнему считала себя рыжей дурнушкой, но уже гораздо охотнее занималась преобразованием своей внешности. Ее густые рыжие волосы были пострижены и

уложены в простую, но очень украшающую лицо стрижку, веснушки поблекли от ежедневных примочек и натираний кожи дорогими кремами и тониками. Николай Васильевич заметил эти изменения, и, в один из вечеров, честно глядя в ее зеленые глаза, сказал:

– Ты, прости меня, Людмила, но женитьба не входит в мои жизненные планы. Я сказал об этом, чтобы у тебя не возникли иллюзии по поводу наших встреч. Ты молода, красива и обязательно встретишь своего спутника. Стоит тебе только этого захотеть! А в моем доме может быть только одна хозяйка – это моя дочь. Я боюсь ее обидеть сам и не позволю этого сделать любому другому человеку, даже женщине, с которой меня связывают интимные отношения. Если тебя это не устраивает, то мы должны прекратить наши встречи.

– Николай Васильевич, – ответила Людмила, – не старайтесь меня обидеть, все равно не получится. Ничего мне от Вас не надо. Наоборот, я признательна Вам за то, что благодаря нашим встречам я почувствовала в себе женщину. А если говорить о Зосе, то я сама боюсь ее обидеть. Вы, возможно, мне не поверите, но я люблю Зоську, как мать любит свое неразумное дитя. Не улыбайтесь, пожалуйста! Зоська для меня действительно умный, талантливый и неприспособленный к нашей нынешней жизни взрослый ребенок, который нуждается в постоянной заботе и защите. Она совершенно не умеет противостоять злу и насилию. Поэтому о наших встречах знаем только мы – я и Вы, и никто более. Друж-

ба с Вашей дочерью для меня дороже любви к Вам. Такая я, вот, странная. Но наши встречи я бы не хотела прекращать – мне хорошо с Вами. У Вас, похоже, другой женщины сейчас нет? Тогда, может, оставим все так, как есть?

Людмила даже сама удивилась той легкости, с которой она сумела убедить Николая Васильевича в бескорыстии их отношений и преданности его дочери.

«Ай да, Людка, ай, да, молодец. Кое-чему ты у Зоськи уже научилась. Пока пусть будет так, как получилось, ну, а дальше будет видно», – хвалила она себя.

И они продолжали встречаться вечерами в кабинете Николая Васильевича или его спальне.

Если Людмила задерживалась, то Николай Васильевич начинал беспокоиться, поглядывал на входную дверь, прислушивался к шагам в коридоре. А потом набирал номер ее мобильного телефона и напоминал, что она сегодня забыла напоить его чаем. Людмила счастливо улыбалась, и шла заваривать чай. Пока все шло по плану. Ее плану!

После коридорного конфликта с «зелененьким» и его напарником Аркадием, Людмила уговорила Зосю рассказать ей все, что подруга знает об этом субъекте. Сведения, которые она выведала у Зоси, оказались неутешительными – похоже, они перешли дорогу самым натуральным бандитам. Срочно требовалось предпринять какие-то меры защиты от их возможного нападения во второй раз.

– Послушай, Зоська, – обратилась Люда к подруге, – на-

сколько мне известно, ты своему Анцеву вечером докладываешь обо всем, что с тобой произошло в течение дня. Я права? Тогда расскажи ему про нашу сегодняшнюю встречу с «зелененьким». Анцев обязательно придумает, как можно этих бандитов поставить на место.

– Даже не мечтай, – ответила Зося, – ничего Александру Михайловичу я рассказывать не буду. Если я ему скажу, что мне угрожает опасность, то он прилетит в этот же день и наймет для моей охраны роту солдат. Представляешь, Милочка, меня в туалет будут сопровождать вооруженные солдаты! Я скоро выйду на работу в банк и солдаты вместе со мной, так, что ли? Нет, лучше Анцеву не знать про этих «зелененьких» и Аркаш. Анцеву я, конечно, позвоню, но рассказывать ничего не буду, а просто попрошу его, чтобы он купил для нас с тобой пистолеты. Научимся стрелять, и сможем сами себя защитить. Ну, как идея?

– Вообще идея классная! Проси.

Анцев приехал в пятницу и привез в Горевск начальника службы безопасности банка. Сказал, что купил девочкам по «травматику» и три пистолета, на которые необходимо получить от милиции разрешение на ношение.

Всем этим займется привезенный им человек, он же обучит Зосю и Людмилу пользоваться травматическим и боевым оружием. Третий пистолет предназначался Левону.

Вечером Александр Михайлович, уставший от богатого событиями дня, лежал на кровати и любовался своей Зо-

сенькой, которая сидела перед зеркалом и расчесывала волосы.

– Зосенька, – позвал он ее, когда волосы были заплетены в косу, – иди ко мне. Нам с тобой обязательно нужно поговорить. Ты помнится, мне говорила, что у нас с тобой сейчас одна жизнь на двоих. Так, вот, моя родная, я хочу знать, что происходит с моей второй половиной. Пойми, Зосенька, нельзя прятаться от проблем – от них нужно избавляться или решать. Ты мне, солнышко, должна подробнейшим образом рассказать все, что с тобой произошло, и зачем тебе понадобилось оружие. Говори, я слушаю тебя.

Зося поняла, что скрыть свое знакомство с Грином не получится. Иначе придется лгать и притворяться, а она всегда старалась быть предельно честной со всеми, а со своим мужем тем более. Поэтому ей пришлось со всеми подробностями рассказать о разговоре с мэром и знакомстве с Грином.

– Теперь все понятно, – оценил ситуацию Александр Михайлович, – все дело в здании, которое ты приобрела. Даже не в самом здании, а в участке земли, на котором оно расположено. Очень лакомый кусочек. Через пару лет цены ему не будет. Твой конкурент Грин, наверняка, уже уточнил все твои данные, вплоть до родословной.

– И что, теперь он станет моей тенью? – засомневалась Зося.

– Нет. Я не то хотел сказать, – ответил Анцев, – я сам сомневаюсь, что он захочет и далее тебя запугивать. Ты ему не

по зубам. Но на всякий случай, мы завтра с ним встретимся, и выясним его планы на будущее в отношении этого здания. Зосенька, травматик обязательно носи с собой, особенно, когда наведываешься на свое поле. Твой овощной участок с одной стороны оброс кустарником, и там живет целая стая бродячих собак. Я их сам видел, когда занимался строительством теплиц. Резинострел особый вред собакам не причинит, но обязательно отпугнет, и они убегут. А вот пистолет положи в свою сумочку. Даже, если тебе не захочется из него стрелять, то напугать будет чем, или даже ударить. Кусок металла, зажатый в руке – это тоже оружие самообороны. Конечно, лучше все-таки нанять охрану. С тобой всегда рядом Людмила, но она ведь тоже слабая девушка. Давай мы найдем для тебя и для Люды водителя-мужчину. Зарегистрируем на него пистолет и поручим вас охранять.

– Я не хотела тебе рассказывать про «зелененького» и была права. Ты сразу заговорил об охране. Поверь, мне она не нужна. Я сама сумею позаботиться о своей безопасности. Тем более, сейчас, когда серьезно вооружена, как ты говоришь, даже куском металла. Но завтра я попробую стрелять, и, думаю, у меня все получится. Охрана мне не нужна и по другой причине. Завтра к нам в гости напросился Авдей. Совершенно определенно, он будет настаивать, чтобы я вышла на работу. В банке сейчас наступила тяжелая пора выживания, а грамотные специалисты ушли из банка пробовать свои силы в бизнесе. Я сама не хочу работать на «дядю», свой биз-

нес гораздо привлекательнее. Но на работу я все-таки выйду. Мне просто необходимо поддержать оставшийся в банке коллектив, и попробовать уговорить клиентов подписаться на акции банка. Иначе банк не успеет перерегистрироваться, и эту нишу немедленно займут частные банки. Я выйду на работу, если смогу, то проведу одну подписку. После чего, я с чистой совестью уволюсь, чтобы, наконец, всерьез заняться своим предприятием.

– По большому счету, работа по контракту, как и любая другая, тебе вообще не нужна. Но раз ты так решила… В любом случае, оставляй за собой недели две – нужно устроить Санечку в Москве. Подберем водителя, няню, ты их протестируешь. Я тебе покажу детский сад и познакомлю с персоналом, который будет заниматься Санечкой. Людмила, я думаю, уже привыкла к своему новому положению предпринимателя, справится без твоей постоянной опеки, а ты побудешь со мной. Кроме всего, ребенку тоже нужен какой-то период для адаптации на новом месте. Можешь для начала сама возить его в сад, а потом к обеду забирать. Тогда период привыкания пройдет для него безболезненно.

– Для меня тоже наступят тяжелые времена – Санечка и ты далеко, а я буду связана обязательствами перед банком и своим бизнесом.

– Санечка уезжает ко мне, своему отцу. Ты же согласна, что отец, так же, как и мать обязан заботиться о своих детях? Ты Санечку выносила, подрастила. Сейчас наступила

моя очередь заняться воспитанием сына. Ты же не хочешь, чтобы он вырос плаксой и нытиком? Забалованный домашним воспитанием ребенок привыкнет к мысли, что он избранный и ему все позволено. А такие люди от первой неудачи обычно ломаются, а затем, если и поднимаются, то восстанавливаются очень тяжело и сложно. Не волнуйся, родная, с Санечкой все будет хорошо! Это я тебе обещаю. Каждая рабочая неделя заканчивается двумя выходными, и они будут нашими, мы снова будем вместе.

– Саша, – потянулась Зося губами к Анцеву, – Саша.

– Понял, – улыбнулся Анцев, – наш душевный разговор окончен. Рядом с тобой, Зосенька, я стал совершенно беспечным юнцом. В голове постоянно звучит твое «Саша» и ничего более. Скажи, солнышко, а что же будет, когда я состарюсь?

– Мы с тобой вместе будем стареть. Когда это произойдет, тогда и появится у нас желание и, кстати, возможность до утра вести душевные разговоры.

Авдей появился в доме Чарышева в воскресенье. К его приезду в гостиной был накрыт стол. Чарышев и Анцев молча слушали монолог Авдея о трудностях, с которыми столкнулся банк после развала СССР. И клиенты не понимают проблемы банка, и ведущие специалисты ушли в бизнес, и эмиссия акций неудачная, экономически невыгодная. Наконец, Авдей замолчал – он понял, что все присутствующие за обеденным столом знают цель его визита и ждут от него

простые и всем понятные слова. Эдвард Станиславович посмотрел на Зосю и сказал:

– Жду понимания и поддержки от Вас, Зоя Николаевна. Может, Вы сможете прервать декретный отпуск и выйти на работу?

– Да, могу, – ответила Зося, – мы с мужем уже обсудили эту тему. Через две недели я возвращаюсь в банк. Но я обещаю попытаться реализовать только одну подписку. Не более. Тем более что я не могу гарантировать положительный результат своего труда.

– Послушайте, Эдвард Станиславович, – не выдержал Чарышев, – возможно, мы с Вами обсудим другую тему. Мы все понимаем, что Зосина учеба оплачена банком и готовы компенсировать материальный ущерб. Правда, Проминвестбанк, как субъект хозяйствования не существует, но деньги я перечислю на любой указанный Вами счет или передам наличными.

– Спасибо, Николай Васильевич. Вы меня неправильно поняли – банку не нужны деньги. Мы заинтересованы в специалисте Чарышевой. Я принимаю условие Зои Николаевны – одна подписка и мы выдаем ей трудовую книжку.

Авдей уехал. Зося обняла помрачневшего отца:

– Не расстраивайся, папочка! Все будет хорошо. Я действительно задолжала банковскому коллективу. Но у меня есть более печальная новость. В связи с моим выходом на работу, наш Санечка уезжает в Москву. Пока вместе со мной,

потом останется там со своим папочкой. Это тоже надо пережить. Мне во всяком случае. Я уже чувствую себя виноватой перед своими Александрами за то, что не могу быть вместе с ними. Они у меня, как две сиротки, при здоровой и благополучной маме.

– Придумала, Зосенька! Они у меня не будут сиротками, – сказала Роза Самуиловна, – я приняла решение, и вместе с Сашами еду в Москву. Я подумала и пришла к выводу, что в Москве наш Санечка действительно может получить воспитание на несколько порядков качественнее, чем в нашем родном Горевске. Но не могу же я оставить ребенка, который называет меня бабушкой, одного в детском саду. Ты, Саша, устроишь меня на работу в садик, который выбрал для Санечки. Буду учить малышей иностранным языкам. Но, в первую очередь, мне это нужно для того, чтобы быть вместе с Санечкой целый день. Так, что ты, Зосенька, не волнуйся – я за ними обоими присмотрю.

– Роза Самуиловна, – Анцев сиял, – умеете Вы устраивать праздники для души и сердца. Одно Ваше решение, и сняты все проблемы. На работу в садик я, безусловно, Вас устрою. И буду исполнять все Ваши желания. Спасибо Вам огромное.

– Не за что благодарить меня, Саша. Если быть совершенно честной, то мне надоела благополучная и бесцельная пенсионная жизнь. Без Санечки я останусь круглой сиротой. Утром все уедут по своим делам, а я буду сидеть дома, совершенно одна, до позднего вечера. Разве можно одиночество

называть жизнью? Человек счастлив только когда живет среди близких людей, и в его помощи постоянно кто-то нуждается. В Москве, надеюсь, мне скучать и ждать вечера не придется. Моя жизнь обещает быть насыщенной и полноценной. Зосенька и Саша могут спокойно работать и не беспокоиться о ребенке. Ну, что, Санечка, пойдем собирать свои вещи? Твои родители хотят, чтобы ты стал по-настоящему образованным человеком – наша задача им помогать.

На следующий день Анцев разыскал Грина и встретился с ним. Результат встречи действительно был предсказуемым – Михаил Ефимович немедленно дал задний ход и раскаялся. Да, действительно, он, как последний разгильдяй и повеса навязывался на знакомство с дочерью Чарышева. Правда, способ знакомства выбрал не совсем традиционный, но это означает только то, что в тот день ему понравилась красивая девушка, а ее фамилию он узнал гораздо позже. Тем более, он сожалеет о своем поступке, потому что сейчас выяснилось, что девушка еще и замужем.

На прощание Анцев пожал протянутую руку Грина и получил от него заверение, что в его лице Зоя Чарышева обретает не просто знакомого, а защитника и покровителя от будущих «наездов» местной братвы. В возникающем конфликте было достигнуто мировое соглашение. Только, вот как долго оно продлится, Анцев не знал, поэтому в Зосиной сумочке для маленького женского пистолета было отведено постоянное место.

К Зосиному удивлению Санечка очень быстро освоился в детском коллективе. Утром Санечка и Роза Самуиловна уезжали и возвращались домой поздно вечером. Водителя для их машины Зося подобрала сама – Федор Степанович, серьезный, лет сорока мужчина, ранее работал в научно-исследовательском институте. Во времена своей работы серьезно увлекался рыбалкой и охотой, откуда практика вождения машины. Помощница по хозяйству, Наталья, несколько лет назад потеряла работу и сейчас была рада любым заработкам. Интеллигентная, образованная женщина была одинока. Чтобы прокормить себя, работала дворником, а затем на стройке подсобной рабочей. Наилучшим вариантом трудоустройства для себя она считала работу с проживанием, чтобы можно было сдавать свою квартиру в аренду и иметь дополнительный источник дохода. Зосю вариант проживания Натальи в их доме тоже устраивал – человек всегда на месте, а это значит, что еда всегда будет приготовлена прямо к столу.

Зарплату она назначила обоим достойную и надеялась на добросовестное исполнение своих обязанностей. Кроме всего, здесь оставалась Роза Самуиловна, а она любила во всем порядок и вникала во все подробности ведения домашнего хозяйства.

Роза Самуиловна первые дни своей работы испытывала смущение от необычной любезности, даже можно сказать некоторого заискивания, администрации детского учреждения. А потом с присущей ей прямотой спросила у Анце-

ва, что все это значит. И оказалось, что Анцев является одним из главных учредителей частного детского сада, а заработная плата педагогическому коллективу выплачивается из средств учредителей.

Зосю эта новость не удивила – Анцев все просчитывал и подготавливал всерьез и основательно. А это значит, что Санечка устроен прекрасно и поводов для беспокойства за него совершенно нет.

Вечером, в постели, Зося поудобнее устроила свою голову на плече Анцева, и сказала:

– Детский садик у нас с тобой уже имеется. Теперь можно и нужно подумать о детях. У нас с тобой должны быть общие, наши дети. И я намерена этим заняться. Ты дай мне свою медицинскую карту – начну консультации со специалистами. Достижения современной медицинской науки очень высоки, а если к ним еще приложить деньги, то все вопросы решаемы. У тебя очень высокая потенция, но это, к сожалению, не означает репродуктивное здоровье. Пройдем обследование, сдадим анализы и, возможно, получим своего ребенка из пробирки. Ты прекрасный отец, но я хочу, чтобы ты стал отцом по крови. Я люблю тебя и хочу общего ребенка. Ты только дай мне согласие и поддержи.

– Зосенька, возможно, не стоит этим заниматься. Я тоже хочу совместного ребенка, но я тебе уже говорил, что детей у меня не может быть. Может, лучше не знать всю правду о моем здоровье? Кроме того, ты уже забыла, как боялась

рожать Санечку? А как же сейчас? Ребенок из пробирки потребует еще больше сил и терпения.

– Ты рядом со мной и мне ничего не страшно. Мы с тобой будем рожать вместе.

– Хорошо. Давай оставим какое-то время для того, чтобы решение не было поспешным. Скажем пару лет. Если ты за это время не передумаешь, то я, пожалуй, соглашусь на проведение всех анализов.

Глава 2

Зося любила свой банк за чопорность коридоров, чистоту и свежесть кабинетов.

Цветы в банке были повсюду – в больших кадках на полу возле окон, на подоконниках, и просто вдоль стен. Любителями-цветоводами был весь женский коллектив банка. Хилые отросточки, отрезанные от домашних питомцев или подаренные клиентами, заботливыми руками выхаживались и занимали свое место в банковской оранжерее.

Но самое главное, воздух в банке был ароматный, настоянный на чистой зелени и цветах растений.

Но этот банк остался в прошлом времени.

Сейчас, стараниями Авдея и Золотаревой здание претерпело «евроремонт» и превратилось в одно из многих современных офисов – с пластиковыми окнами и ковролиновыми полами.

Цветы из здания исчезли, а запах уже в коридоре напоминал магазин, торгующий химическими моющими средствами. Зося прошла по коридору к кабинетам, где работала до декретного отпуска и не ошиблась – на входной двери висела табличка «Отдел ценных бумаг». Значит, Авдей решил для нее оставить привычное рабочее место.

Зося вошла в кабинет – на каждом рабочем столе стоял компьютер, но людей не было. Отдельное рабочее место бы-

ло оборудовано для ксерокса и факса. На двери ее кабинета также висела табличка «Чарышева Зоя Николаевна», на столе стояла ваза с цветами.

Зося вышла из кабинета и направилась в приемную Авдея. Молоденькая секретарь подтвердила, что Эдвард Станиславович давно на работе и Зося может к нему войти. Авдей поднялся из-за стола к ней навстречу и попытался обнять, но Зося быстро отошла к столу для заседаний и уселась на стул. Авдей сделал вид, что совершенно не обиделся, сказал, что рад ее видеть в банке и готов выслушать предложения по структуре и дальнейшей работе отдела. Зося не была готова вносить какие-либо предложения, поэтому попросила время для изучения имеющейся нормативной базы, а вот потом она внесет соответствующие предложения.

На первые две недели своей работы в отдел она попросила направить только одного человека – Оксану. С Иваном Павловичем она очень бы хотела работать снова, вместе, но он за время ее отсутствия перерос должность заместителя начальника отдела, поэтому здесь может быть два варианта – она будет работать у Ивана Павловича заместителем или его назначат начальником другого отдела.

Авдей улыбнулся, сказал, что умеет уважать чужую дружбу и обязательно обо всем сказанном подумает. По поводу Оксаны отдел кадров сейчас получит распоряжение, а все оставшиеся без решения вопросы они обсудят через две недели. Курировать отдел Авдей решил лично, и в этом Зо-

ся не усмотрела ничего странного, так как вопросы предстояло решать с первыми лицами предприятий. Нормативные документы собраны у него, и он готов сейчас же передать их Чарышевой. Авдей положил перед Зосей тоненькую папочку инструкций и подборку бухгалтерских документов по формированию уставного капитала. Затем забрал эти папки и сказал, что хочет сам проводить Зосю в кабинет, подготовленный для работы отдела ценных бумаг.

Эдвард Станиславович с гордостью показал ей новую, современную технику на столах и спросил, что она по этому поводу думает. Зося ответила, что его усилиями в банке совершен технический прорыв, она и мечтать не смела, что получит столько техники. Это настоящий прогресс, который позволит механизировать весь процесс эмиссии акций и улучшить качество обслуживания акционеров.

Лицо Авдея засияло гордой улыбкой – не зря он две недели лично сам занимался с фирмами, торгующими офисной техникой, уговаривал главного бухгалтера найти деньги и проплатить на первом этапе хотя бы аванс, чтобы получить и установить компьютеры до выхода Чарышевой на работу. Он хотел доказать этой высокомерной дамочке, что он здесь не случайный человек, а настоящий хозяин, которому небезразлично, в каких условиях работают подчиненные ему люди. И вот он, первый успех – в глазах Чарышевой восхищение и благодарность. Цветы на ее рабочем столе его явно озадачили. Кто мог знать о ее выходе на работу? Возле вазы

с цветами Эдвард Станиславович заметил записку и прочитал ее вслух: «Зоська, мы рады тебе! Иван и Оксана». Эдвард Станиславович пожелал Зосе скорейшей адаптации на новом участке работы и вышел.

Зося взяла в руки папки с документами, разложила бумаги на своем рабочем столе. Несколько куцых указаний из центрального аппарата банка, выписка по счетам акционеров. Нормативы по формированию уставного капитала и эмиссии акций полностью отсутствовали. Конкретным и целевым было единственное письмо Национального банка республики «О подготовке специалистов по ценным бумагам». Зося внимательно изучила недельной давности письмо и вздохнула с облегчением – национальный банк предписывал коммерческим коллегам аттестовать руководителей банков и специалистов по ценным бумагам. Перед аттестацией банковских экономистов обучали на двухнедельных курсах в школе банковского бизнеса при Национальном Банке республики.

Зося порадовалась удаче – первые занятия на курсах начинались через неделю, и она успеет сделать заявку национальному банку на свое участие, а бухгалтерия – оплатить стоимость обучения. Зося положила бумагу национального банка в папку и отправилась снова в приемную Авдея. Как оказалось, Авдей читал это указание, но так и не понял, что, же хочет от руководителей национальный банк. Неужели он, руководитель банка, человек с двумя высшими обра-

зованиями, должен сидеть две недели на каких-то курсах, как неуспевающий школяр, а потом еще и экзамены сдавать? Зося засмеялась и предложила Авдею поехать на курсы после того, как она сама аттестуется и сможет подготовить его для аттестации без учебы. Идея Эдварду Станиславовичу понравилась, и он подумал, что эта Чарышева действительно умна и доброжелательна. Пусть едет в командировку, учится, а потом готовит его для аттестации без предварительной учебы. Вот будет разговоров в центральном аппарате – дилетант банковской деятельности, а аттестовался без дополнительного обучения. Умница Чарышева!

До конца рабочего дня Зося готовила для национального банка бумаги на свою аттестацию, затем вместе со Ступиной – платежные документы. К концу рабочего дня в отдел пришли Иван и Оксана – Оксана, чтобы остаться здесь работать, Иван поздороваться и обнять подругу Зоську. Иван сразу показал рукой на потолок и приложил палец к губам, что означало – осторожно, все разговоры прослушиваются. Затем взял лист бумаги и написал:

«Поговорим в другом месте. Как насчет совместного обеда в ближайшем кафе, скажем, завтра?»

Зося молча кивнула головой. Иван чмокнул ее в щеку и вышел. Рабочий день заканчивался, Зося и Оксана убрали со стола бумаги и вместе вышли из банка. На улице Зосю ожидала машина, и она предложила Оксане подвезти ее до дому. Но Оксана отказалась, сославшись на неотложные де-

ла, и они расстались. Оксана внешне производила впечатление счастливого человека – сияющие глаза, улыбка, хорошее настроение. Ее природная красота была дополнена хорошей одеждой и неброской косметикой. Зося порадовалась за нее – сумела, выстояла и живет сейчас с полным уважением к собственной персоне.

Чарышев с прохладцей встретил сообщение дочери о предстоящей командировке в столицу республики, но комментировать ничего не стал. Николай Васильевич сам заказал для Зоси двухкомнатный «люкс» в гостинице, так как был уверен, что она обязательно для жилья выберет домашнюю гостиницу Проминвестбанка и будет по утрам электрокипятильником кипятить воду для чая и пользоваться общим санузлом. Левону он приказал подготовить машину и остаться с Зосей в Лабинске до окончания ее командировки.

Зося не стала спорить с отцом – чем старше и самостоятельнее она становилась, тем больше отец волновался за ее безопасность. Пусть будет так, как он решил, спокойнее не только ему, но и ей. Зося давно поняла, что лучше лишний раз позвонить отцу и рассказать, где она и когда будет дома, нежели чем смотреть в его полные тревоги глаза и отчитываться за каждый свой шаг вне его контроля.

С Ванечкой Зося встретилась в маленьком кафе на следующий день, во время обеденного перерыва. Они пили кофе и торопливо разговаривали обо всем сразу.

Ванечка иногда общался по телефону с Сашей. Оказыва-

ется, Саша никогда не женился, а просто в свое время так неудачно пошутил. Сам сейчас говорит, что хотел, чтобы Зоська начала его ревновать. Очень сожалеет о своей шутке. Ванечка заметил, что Зося даже не пытается поддержать разговор о Саше и сменил тему разговора.

Его мучил еще один вопрос, который он мог доверить только Зосе. Ванечка давно занимался проблемой возвращения долгов от клиентов банка. У Ванечки отдельным списком учитывались дебиторы с многолетними долгами. По его поручению юридический отдел готовил материалы в хозяйственный суд по взысканию долгов.

Но за прошедшие годы долги из-за инфляции обесценились и бывшие миллионы рублей превратились в копейки. По законодательству кредитор, он же банк, имел право на индексацию долга. Но Авдей подготовленные документы отложил в сторону, и сказал, что хотел бы предварительно встретиться с руководителями предприятий-должников, и только потом примет решение, стоит ли передавать материалы в суд. Иван организовал начальнику встречи, после которых снова принес ему материалы для хозяйственного суда на подпись.

Но, к большому изумлению Ивана, Эдвард Станиславович снова отодвинул бумаги в сторону, мотивируя тем, что должники сами перечислят деньги банку, но только в абсолютной сумме, без индексации.

Иван долго не мог выйти из шокового состояния, а потом

понял, что проделанная им работа была использована Авдеем в личных целях – скорее всего, долги были возвращены в его личный карман. А для того, чтобы закрыть дебиторскую задолженность по балансу, предприятия перечислили на банковский счет долг в абсолютной сумме.

Обед заканчивался, а они еще ничего так и не обсудили. Зося сказала, что по приезду из командировки готова встретиться с Иваном у себя дома, за чашкой чая. А о своих наблюдениях просила его пока молчать. Особенно, при работниках службы безопасности – это люди со стажем работы в Комитете Госбезопасности, а в их присутствии язык нужно придерживать. Можно накликать беду не только на голову начальника, но и на свою тоже. И вообще, добавила Зося, каждый должен сам отвечать за свои поступки, а судить других может только Бог.

За день до отъезда в Лабинск Оксана добавила несколько штрихов в портрет Авдея.

В банке только ленивые не обсуждали любовные похождения Авдея, который был очень охоч до женской ласки. Все более или менее привлекательные барышни банка за время его работы в должности начальника побывали в его кабинете после окончания рабочего времени.

Он нетерпимо относился к отказу со стороны своих избранниц и строптивых увольнял с работы. Отказников было немного, и они сами молча ушли из банка. А те, которые побывали в его кабинете, быстро впадали у него в немилость.

Они продолжали работать в банке, стесняясь лишний раз поздороваться или посмотреть в глаза коллегам. Однако, женская логика такова, что каждая последующая считает, что она лучше предыдущей и именно ей суждено стать последней спутницей легкомысленного, но такого желанного банковского руководителя. Но ничего не происходило, и список подружек начальника по столу для заседаний продолжал пополняться.

Этот огромный, красного дерева, стол для заседаний, купленный и установленный в кабинете начальника после ремонта здания, постепенно превратился в секс-символ филиала. Главный бухгалтер банка Ступина вполне серьезно начала переговоры с центральным аппаратом об увеличении лимита представительских расходов, за счет которых она планировала купить в кабинет начальника диван потому, что сидеть за этим опозоренным столом на совещаниях брезговала, как и все руководители среднего звена.

Зося посмеялась над любвеобильностью начальника, но Оксана вполне серьезно предупредила, что Авдей глядя на ее, Зосю, уже конкретно пускает слюни, и Зосе надо быть очень осторожной, чтобы ее не уложили на стол для заседаний.

Кроме улыбки, новые познания о своем начальнике вызвали у Зоси недоумение – внешне корректный, интеллигентный, умный человек содержал глубокое внутреннее противоречие, не умел контролировать свое поведение и сдер-

живать эмоции. И все-таки, следует признать, думала она, что присутствует в нем какая-то притягательная сила, которой не могут противостоять вполне благоразумные банковские красавицы. Может, покорно подчиняются властности и неприкрытому цинизму его натуры?

Серые, холодные глаза, ленивая высокомерная улыбка – очень похоже на удава, который смотрит на кролика, приглашая его стать обедом для своего высочества. Слухами о любовных интригах Авдея переполнены все банковские отделы, но женщины по-прежнему поддаются его обаянию, притягиваются к нему, как к магниту, хотя каждая из них, наверняка, боится, что в ближайшие дни она будет заменена следующей жертвой его любви и циничного обаяния.

«В любом случае, – решила Зося, – надо держаться от него подальше».

Занятия в школе банковского бизнеса увели ее мысли от всего, что осталось в Горевске – она умела концентрировать свое внимание в одном направлении. Сейчас важно было понять, как грамотно провести эмиссию акций банка.

По законодательству акционерами банка могли стать, как физические, так и юридические лица. Но акционирование государственных предприятий в Лабении было приостановлено, а имущество банка до настоящего времени принадлежало государству. Лекции на курсах читали специалисты государственных министерств и ведомств. Но и они не знали, как правильно акционировать банк, ранее исполняющий

функции государственного финансового агента.

Идею Зосе подсказал муж. Их вечерние разговоры давно стали семейной традицией. Зося знала, что Александру Михайловичу можно задавать любой, даже «служебный вопрос», и через день-два получить, если не консультацию, то хотя бы грамотный совет. Александр Михайлович считал, что в первую очередь акционерами Горевского филиала Проминвестбанка могут стать предприятия с государственной формой собственности. Причем, их доля в уставном фонде банка должна составить контрольный пакет. Именно так, провело бы акционирование банка государство. Будет странно, если государство спокойно позволит передать банк в частное управление. Эти вопросы могут возникнуть гораздо позже. Сейчас время экономического хаоса, но придет стабилизация, руководство республики начнет подводить итоги и задавать вопросы. В этом случае консолидация акций банка в собственный портфель ценных бумаг возвратит государству контроль над своим бывшим финансовым агентом.

«Ты, Зосенька, – подвел итог Анцев, – можешь подготовить постановочный вопрос для Авдея, а он пусть обсуждает эту проблему с генеральным директором банка. Продажа акций банка государственным предприятиям, возможно, должна стать концепцией развития банка и потребует согласования с министерствами или имущественными ведомствами».

Зося на следующий день позвонила Авдею и рассказала ему, как можно акционироваться самостоятельно и, одновременно сохранить долю государства в уставном фонде банка. Авдей честно ей ответил, что почти ничего не понял. Но готов вместе с ней встретиться с генеральным директором банка и доложить ему о предложении Горевского филиала. Откладывать этот вопрос до ее возвращения в Горевск он не хотел и поручил подготовить к завтрашнему дню докладную записку на имя генерального директора за подписью Авдея.

Встречу Зосе он назначил в фойе центрального аппарата Проминвестбанка. Генерального директора банка Зося видела раньше всего несколько раз, во время его приездов в Горевск. Выступая перед коллективом филиала, он оперировал фактами и цифрами, не глядя в текст доклада. Смысл его выступления всегда был конкретен и понятен. На первый взгляд, это был человек коммуникабельный и доступный для общения на любом уровне.

Сегодняшняя встреча с «генеральным», судя по его поведению, ничего хорошего посетителям из Горевского филиала банка не сулила.

Николай Георгиевич молча листал свой «ежедневник» и делал какие-то пометки на полях. Зося подробно рассказала о своем предложении формирования уставного капитала банка и умолкла. В кабинете стояла тишина. Зося посмотрела на Авдея, тот в недоумении пожал плечами. Наконец, Николай Георгиевич закрыл свой блокнот, снял очки и по-

смотрел на Зосю:

– Извините, потребовалось время, чтобы осмыслить сказанное Вами. Все понятно и очень просто! Как это мои спецы до этого не додумались? Ваше предложение вполне уместно и может перерасти в концепцию. Предстоит ряд согласований, но с этим, думаю, мы быстро справимся. Я что-то пропустил Вашу фамилию – будьте любезны напомнить мне.

– Чарышева, – вторично представилась Зося, – Зоя Николаевна.

– Чарышев Николай Васильевич имеет к Вам какое-то отношение?

– Да, это мой отец.

– Систему акционирования он подсказал? Насколько я владею информацией, химкомбинат уже давно преобразовался в народное предприятие.

– Идея действительно мне подсказана, но не отцом, а мужем. Мой муж Анцев Александр Михайлович.

Николай Георгиевич широко улыбнулся и сказал:

– Передайте ему от меня огромную благодарность. Я сразу почувствовал какой-то знакомый почерк, но не мог даже предположить, что московскому коллеге интересны наши проблемы.

Николай Георгиевич вышел из-за своего стола и пересел на стул, рядом с Зосей.

Секретарь принесла кофе, приготовленный по ее фирменному рецепту, и тарелочку с маленькими пирожными. Ни-

колай Георгиевич оказался интересным собеседником. Главной темой разговора стала религия. Оказалось, что у них есть точки соприкосновения в благотворительной деятельности по возрождению заброшенных и обветшавших храмов. Только личное отношение к религии в корне отличалось – Николай Георгиевич был истинно верующим человеком, а Зося всегда считала себя атеисткой.

– Позвольте с Вами не согласиться, – запротестовал Николай Георгиевич, – истинное христианство определяется делами нашими. Многие люди, особенно сейчас, называют себя верующими, но бывает вера внешняя, я бы сказал ложная, не подтвержденная действиями. Если наградил тебя Бог богатством, то поделись им с убогими и нищими. Если при рождении ты одарен разумом, то это тоже от бога. И разумом можно и нужно делиться, вот, как, например, Вы и Александр Михайлович – время нашли разобраться с нашей проблемой, и сюда прийти, доказать мне, что это один из правильных путей развития нашего банка. Вы говорите, что часто встречаетесь с матушкой-игуменьей? Вы попросите ее обсуждать с Вами не только дела хозяйственные, но и духовные. Мне кажется, что Вы, Зоя Николаевна, уже верующий человек, только сами пока этого не сознаете. Все, что Вы от Бога получили – в приумноженном количестве и искренне Вы возвращаете назад. Мне с Вами хотелось бы продолжить беседу. Может, пообедаем вместе?

– Нет, спасибо. Я здесь постигаю премудрости работы с

ценными бумагами и не хотела бы, пропускать занятия.

– Тоже одобряю. Надеюсь, что мы с Вами еще встретимся? Тогда, всего Вам хорошего. Вы, Эдвард Станиславович, проводите Зою Николаевну и возвращайтесь – обсудим все еще раз вместе с нашими специалистами.

Эдвард Станиславович проводил Зосю до выхода из здания, предложил свою машину, и поинтересовался, где она остановилась. От его машины Зося отказалась, из своего места пребывания тайну делать не стала – гостиница «Интурист». Они распрощались, и Зося уехала на свои курсы.

После занятий они вместе с Левоном поужинали в ресторане при гостинице и разошлись по своим номерам. Зося просмотрела конспекты с лекциями, систематизировала записи. Затем приняла душ и одела пижаму. Наступало самое любимое время суток – поздний вечер, ее родительский час, можно звонить в Москву.

Сейчас Санечка, наверняка, в кабинете Анцева и они что-нибудь читают или рисуют. Как всегда, ей ответил Анцев. Она рассказала ему о встрече с Сомовым, передала от его имени благодарность и привет. Затем включила диктофон и попросила передать телефон Санечке.

Зося почти всегда записывала разговор с сыном на диктофон, чтобы попозже еще несколько раз послушать его голос. Анцев называл сына Александром, и ребенок на ласкательное или сокращенное имя уже не хотел отзываться. Для него папа был непререкаемым авторитетом. Свое пол-

ное имя, сложное в произношении даже для взрослого человека, он пока правильно произнести не умел, но от других требовал, чтобы к нему обращались только так, как называет его папа.

Исключение составляла мама. Зосе он позволял называть себя любым именем. От нее он принимал «зайчика», «котика», «ягодку», Санечку и Шурочку.

Санечка начал свой рассказ о сегодняшнем дне с того, что с утра бабушка была им недовольна – он не хотел с ней разговаривать на английском языке. В саду на завтрак приготовили запеканку, которую он всегда не любил. Санечка просто отодвинул от себя тарелку, а бабушка потребовала, чтобы он извинился перед нянечкой на английском языке. Сначала Зося хотела утешить ребенка и попросить его не огорчаться, но потом выяснила, что тарелка была отодвинута очень резко и запеканка упала на ноги нянечке.

В это время в дверь номера постучали. Зося пообещала Санечке, что сейчас посмотрит, кто там стучит и затем продолжит с ним разговор.

Телефон и диктофон остались лежать на прикроватной тумбочке, а Зося пошла открывать дверь.

Каково же было ее изумление, когда за дверью она увидела Авдея. В одной руке он держал цветы, во второй – пакет, из которого выглядывала коробка конфет и бутылка шампанского.

Авдей, не дожидаясь приглашения, прошел мимо Зоси в

комнату, подошел к журнальному столику и выложил на него содержимое пакета. Открыл коробку с конфетами, рядом поставил два стакана. Потом подошел к Зосе и протянул ей цветы. Зося цветы не приняла и отошла от него. Эдвард Станиславович бросил цветы на диван и схватил Зосю за руку:

– Иди ко мне, моя кошечка. Ты для меня пижамку красивую одела? А что у нас под пижамкой? Ах, какая попка, какие грудки! Я так хочу тебя! Ты меня с ума сводишь. Хочешь, своим заместителем сделаю? Мы с тобой банк в настоящую конфетку превратим – деньги к нам сами рекой потекут. Ты станешь богатой женщиной. Только не гони меня сейчас. Ты должна быть моей, слышишь, моя ласточка?

Его руки настойчиво стаскивали с Зоси пижаму. Зося сначала пыталась его уговорить, затем вырваться, но это его еще больше возбуждало. Он рванул ее пижаму – на пол посыпались пуговицы, и оторвался рукав.

Разгоряченный спиртным и близостью недоступной женщины, Авдей шарил по Зосиному телу жадными руками и толкал ее к кровати.

Зося вспомнила Петино искаженное лицо, когда остановить его было уже невозможно, и поняла, что, если сейчас не сможет избавиться от липучих рук Авдея, то будет снова изнасилована. Она провела рукой по его лицу и сказала:

– Дорогой, не торопись – я могу забеременеть. А нам с тобой это совершенно ни к чему. Потерпи еще одну минутку. Отпусти меня – я возьму в сумочке презервативы, и мы

займемся настоящей любовью. Если наш секс будет безопасным, то я подарю тебе всю свою страсть и нежность. Я тебе обещаю.

Авдей поверил, разжал руки и начал раздеваться. Зося нашла свою сумочку и взяла в руки пистолет:

– А вот теперь, давай поговорим, – Зося направила пистолет на нижнюю часть его тела, -это боевое оружие, а я прекрасно стреляю. Выбирай – ты немедленно убираешься из моего номера, в противном случае, я, по-женски аккуратно, отстрелю твое мужское достоинство. Ты решил, что я пришла в банк, чтобы коротать с тобой вечера на столе для заседаний? Ошибаешься – я пришла работать, а для любви у меня есть супружеская кровать и обожаемый муж. А вот насиловать женщин, да еще при этом, используя служебное положение – это удел слабых или душевнобольных, потому что сильные мужчины добиваются взаимности.

Авдей нерешительно начал натягивать штаны и в это время дверь номера со стуком распахнулась, в комнату вбежал Левон:

– Зоя Николаевна, что здесь происходит? Настучать этому козлу по башке? Или просто скрутить шею, чтобы навсегда отбить охоту до чужих жен?

– Не надо, Левон. Эдвард Станиславович уже уходит, и я, надеюсь, никогда больше не посмеет без производственной необходимости попадаться на мои глаза. Я правильно Вас поняла, Эдвард Станиславович?

– Да, правильно. Подобное больше не повторится. Я, надо признаться, неправильно Вас, Зоя Николаевна, понял. Все могло быть по-другому.

– Значит, Вы вообще ничего не поняли! Никогда и ничего! Понятно? Впредь, дистанцируйтесь от меня на безопасное расстояние.

Левон подтолкнул Авдея к выходу, закрыл за собой дверь. В коридоре послышался стук падающего тела – Левон, похоже, все-таки «настучал по башке» темпераментному Авдею. Зося выключила диктофон, телефон был отключен, видимо, Анцевым. Она попыталась снова соединиться с мужем, но абонент был недоступен. После нескольких неудачных попыток, она поняла, что с ней не хотят разговаривать. Оставалась реальная возможность что-то узнать от своей московской помощницы по хозяйству:

– Наталья, я не могу дозвониться до Александра Михайловича. Ты расскажи мне, пожалуйста, что у нас дома?

– Все хорошо – Роза Самуиловна спит, Александр тоже заснул, Александр Михайлович попросил принести в кабинет две бутылки коньяка, и лимоны с солью. Пока из кабинета он не выходил. Я спать не ложусь – может, попросит что-нибудь. Я, когда в кабинет заходила, то видела, что телефон разбитый валяется на полу, а Александр Михайлович лицом весь посерел. Что-то случилось. Но мне-то он, конечно, жаловаться не станет. Видите, даже с Вами не хочет разговаривать.

– Понятно, – сказала Зося, – Наталья, ты прислушивайся, что там, в кабинете происходит. А я постараюсь сегодня выехать из Лабинска, надеюсь, что к утру доберусь домой. Пожалуйста, еще раз тебя прошу – не ложись спать. Александр Михайлович никогда не пьет более пятидесяти граммов коньяка, может всякое случиться.

Совершенно очевидно, что это Анцев попросил помощь у Левона, а затем некоторое время слушал по телефону все, что происходит в Зосином номере, потом разбил телефон. Но до какого момента он слушал? Скорее всего, он услышал, что Зося хочет взять из сумочки презервативы – это и привело его в шок. Зачем жена носит в сумочке предмет, которым они никогда не пользуются?

Нужно немедленно ехать в Москву и дать прослушать мужу полную запись событий в номере. Иначе, все это может плохо закончиться. Зося набрала справочное железнодорожного вокзала – поезд на Москву убыл час назад. Оставался аэропорт. Последний рейс в столицу России через час. Можно, конечно успеть, но как она полетит самолетом, которого всю жизнь боялась и никогда не пользовалась авиауслугами?

Решение она приняла быстро – предстояло преодолеть свой страх. Времени для сомнений не оставалось, самолет тоже может улететь без нее. Зося позвонила Левону, попросила его через десять минут спуститься в фойе гостиницы. Быстро привела себя в порядок, положила в сумочку диктофон и спустилась в фойе – Левон уже был там.

Пока Левон парковал машину на стоянке аэропорта, она купила два билета до Москвы. Правда, совершенно не поняла, зачем кассир с некоторой долей сочувствия объявила ей, что билеты остались только «бизнес-класса», а они очень дорогие. Видимо, растерянный вид пассажирки у кассира вызвал сомнение в ее платежеспособности.

Стюардесса сразу сообразила, что элегантная молодая женщина в самолете первый раз, и своим вниманием и заботой постаралась ее успокоить – во время взлета самолета стояла рядом с Зосей и рассказывала ей, что экипаж корабля, это пилоты с большим стажем работы, аварии у них никогда не случались. До Москвы лететь совсем ничего, погода хорошая и вообще ей перелет должен понравиться. Стюардесса не сомневалась, что Зося и в следующий раз выберет вместо поезда самолет.

Когда самолет взлетел, набрал высоту и завис в воздухе без видимого движения, Зося совершенно успокоилась, разжала вцепившиеся в подлокотники кресла пальцы и повернулась к Левону.

Он еще по дороге в аэропорт пытался узнать у нее, что нужно, чтобы оформить в банке кредит. Оказалось, что кредит Левону нужен для покупки квартиры. Все деньги, которые он зарабатывал, отправлялись почтовыми переводами когда-то бросившей его маме. Правда, она не сдала его в детский дом, а, в самый сложный подростковый период, не смогла с ним справиться и передала на воспитание в спе-

цинтернат для тяжелых подростков. Там и забыла до самого последнего выпускного класса. Многодетная мама Левона вспомнила о существовании непутевого сына только, когда начала получать от него материальную помощь. Сейчас у Левона начали складываться отношения с любимой женщиной, но не было отдельного жилья. Решение квартирного вопроса Левона совершенно отвлекло Зосю от мысли о том, что она висит в воздухе над облаками и ее жизнь напрямую зависит от людей в темно-синей униформе.

– Левон, – сказала Зося, – квартиру мы с тобой купим, когда вернемся в Горевск. В нынешнее время даже прекрасная квартира стоит сущие копейки, поэтому тебе не надо оформлять заем в банке – купим за мои деньги. Когда-нибудь, если сочтешь нужным, то вернешь. Как я поняла – ты решил жениться? А я хотела, чтобы ты стал моим водителем и охранником. Но, видимо, не судьба – придется искать другого. Я приняла решение иметь возле себя охрану. Иначе жить в условиях нового «демократичного» общества никак не получается и сегодняшний скандал тому подтверждение.

– Мне об этом уже говорил Николай Васильевич, – ответил Левон, – но не было Вашего согласия. Зоя Николаевна, мне, безусловно, важно устроить дорогую для меня женщину, но это никак не отразится на моей работе. Вы знаете, что я могу работать днем и ночью. Когда появится семья, то ее нужно еще и содержать.

– Тогда договорились, – подвела итог Зося, – я тебе по-

могаю купить квартиру, а ты меня возишь и охраняешь от наглецов.

Московский особняк встретил их тусклым светом двух окон – кабинета Анцева и комнаты Натальи.

Зося вошла в дом, попросила Наталью накормить и устроить на ночь Левона, а сама открыла дверь кабинета Александра Михайловича.

Анцев был совершенно пьян. Зося забрала из его рук очередную порцию коньяка. Принесла из кухни стакан кефира, заставила выпить вместе с таблетками аспирина и активированного угля, затем приготовила ему постель на диване, в этом же кабинете. Анцев послушно разделся и лег на диван. Уже с закрытыми глазами, засыпая, пытался рассказать ей о своем горе:

– Представляешь, Зосенька, от меня жена ушла. К другому. Один остался. Александра не отдам, никому. Вот, так!

Зося сидела рядом с ним на стуле, держала его руку в своих ладонях.

– Спи, любимый! Завтра мы разберемся с твоей женой. Александр от тебя никуда сам не пойдет – он любит своего папочку, и характером все больше походит на тебя. Его врач, Зоя Николаевна, уверена, что дети со временем не только перенимают привычки и манеры самого дорогого им человека, но и приобретают с ним внешнее сходство. Но все это я тебе завтра расскажу, а сейчас забудь о своем горе и отдохни, пожалуйста.

Ей самой необходим был отдых, но она поехала в аптеку за таблетками для снятия утренних последствий алкогольного отравления. Дома сварила крепкий костный бульон и снова пошла в кабинет Анцева. Муж беспокойно спал, тяжело всхрапывая, и что-то бормоча во сне. Зося открыла окно и устроилась в большом кресле, прикрывшись пледом. Через несколько часов дом начал просыпаться, наполняться звуками и голосами. Зося встала с кресла, прислушалась к дыханию Анцева. Ей показалось, что он не спит и знает о ее присутствии. Она поцеловала его и прошептала: – Мой любимый, взрослый Санечка! Ты не хочешь со мной разговаривать? Я пойду к ребенку, а ты послушай вот это. Потом поговорим.

Зося включила диктофон на прослушивание и вышла из комнаты. Санечка еще спал, рядом с ним лежал мобильный телефон. Маленький аппаратик пока был простой игрушкой. Видимо, Анцев купил его для Александра совсем недавно и не успел подключить. Зося посмотрела на часы – Санечка еще немного мог поспать, она не стала его будить и вошла в свою спальню.

На прикроватной тумбочке лежал небрежно вскрытый конверт. Письмо было адресовано ей. Внутри оказалось исковое заявление, дополненное повесткой в суд. Отец Санечки просил установить опеку над своим несовершеннолетним сыном. Опекуном он просил назначить бабушку Санечки – Анцеву Татьяну Алексеевну.

Зося принялась внимательно читать содержание искового заявления. Оказывается, ей нельзя доверять воспитание собственного сына, потому что она аморальный человек – родила ребенка, и мало того, что вышла замуж за его родного дедушку, так еще и отдала ребенка ему на воспитание, а сама продолжает развлекаться в далекой Лабении.

«Обычная грязь, на которую способен только недалекий человек. Но почему Анцев об этом заявлении мне ничего не сказал? Я должна как-то себя подготовить к судебному процессу», – подумала Зося и взяла в руки повестку в суд. Первое заседание по иску должно было состояться через две недели. Значит, время еще есть, и она успеет изучить все законодательные акты о браке и семье, как России, так и Лабении.

И только потом можно будет все обсудить с Анцевым. Она так увлеклась изучением внезапно возникшей в ее жизни проблемы, что и не заметила, как в комнату вошел Анцев. Он сел рядом с ней на диван и привлек ее к себе:

– Зосенька, – негромко, чтобы не разбудить сына, виновато произнес он, – я виноват перед тобой. Вчера я решил, что ты собираешься уйти от меня к Авдею. Для меня это конец жизни, отсюда слезы, сопли, и пьяный загул. Скажи, а как ты сюда добиралась? Неужели самолетом? Зосенька, чем больше я тебя узнаю, тем глубже становится моя любовь к тебе. Ты для меня не просто любимая женщина – ты стала мне надежным другом и попутчиком по жизни. Я внизу

встретил Левона. Это правда, что он будет теперь постоянно при тебе? Вполне разумное решение. Тебя нужно охранять от всех посягателей. Ты забываешь или, не придаешь значения тому, что ты богатый человек. А охотников на легкую добычу всегда много находится. Кроме того, ты самая привлекательная в мире женщина. Наверное, природа одарила тебя чем-то, чего мало или нет совсем в других женщинах. Ты имеешь некие биологические метки, от которых мужчины сходят с ума. Ученые, это «нечто», иногда называют феромонами. Зосенька, слава Богу, ты рядом, а все остальное для меня совершенно не имеет никакого значения.

– Даже вот это? – показала Зося повестку в суд, – почему ты мне ничего об этом иске не сказал?

– На самом деле, это абсолютная чепуха. Мой юрист уже изучил этот иск – написала его по доверенности Александра его мать. Ребенок ей не нужен. Она хочет, чтобы я передал ей половину своего бизнеса. Иначе, она грозит, что к этому судебному процессу будет привлечено внимание средств массовой информации и наступит конец моей безупречной репутации. Мне лично, это совершенно не интересно. Татьяна рассчитывает на то, что щепетильные московские клиенты сделают соответствующие выводы и закроют свои счета в банке. Но, я думаю, что основным нашим клиентам глубоко безразлично на ком женат генеральный директор банка. Им важнее качество и стоимость обслуживания, а также наличие у банка кредитных ресурсов. Давай забудем про это

исковое заявление. Мои юристы справятся с ним самостоятельно. Ты оформи для них доверенность.

– А вот мне небезразлично, какая в деловых кругах у тебя, любимый, будет репутация. Тем более что здесь, сплошное вранье. Как объясняет свое поведение Александр? Ты говорил с ним?

– Нет. Не могу говорить с ним на эту тему. Моя вина перед ним очевидна и тяжела. Поэтому молча приму все, что он приготовил лично для меня. Тебя и сына готов защищать всеми своими силами, а обо мне пусть говорит и пишет все, что считает нужным.

– Хорошо, тогда я сама с ним поговорю – я перед ним ни в чем не виновата. Дай мне его номер телефона. Позвоню прямо сейчас.

Как оказалось, Саша ничего не знал про исковое заявление на опеку ребенка. Александр Михайлович вчера звонил ему, но про ожидающиеся судебные разбирательства ничего не сказал. Доверенность на имя матери он действительно оформлял несколько лет назад. Тогда он готовился к отъезду в Европу, а в России оставалась принадлежавшая ему квартира и ценные бумаги. Вот он и передал право управления своим имуществом матери. Срок действия доверенности давно истек, и мать постоянно ему напоминает, чтобы он оформил новую доверенность и выслал ей. Но он последние полгода был плотно занят регистрацией английского филиала банка «Капитал К» и новую доверенность до настоящего

времени так и не оформил.

Саша был уверен, что мать не могла так поступить. О какой опеке может быть речь при такой замечательной мамочке, как Зоська? Хотя, если трезво оценить ситуацию, то Татьяна Алексеевна очень часто допускала бестактность по отношению к Анцеву, да и к Зосе тоже. Но в данном случае не хочется верить в ее причастность к грязной интриге, потому что она направлена против единственного сына и внука. Сейчас Саша по поручению отца готовил для Зоси поездку в Англию. Благотворительный фонд подходящего профиля он уже подыскал. Остались простые, очень быстро решаемые, формальности.

Англичане благотворительность относят к своим национальным достояниям и готовы делиться наработанными методами с другими народами и, в первую очередь, с русскими, которые, как они считают, во времена своих революций и преобразований утеряли культуру меценатства.

Но сомнения у Саши все-таки были – неужели Зоська на самом деле прилетит в Англию, и он сможет ее увидеть? О своей безнадежной мечте увидеть и пообщаться с сыном Саша говорил с такой тоской, что сердце у Зоси сжалось от жалости к некогда любимому человеку. Но, что сейчас можно исправить? У Санечки есть любящий отец, у Зоси любимый муж. Зося не сомневалась, что малейший намек на то, что Александр Михайлович не родной отец, для Санечки будет тяжелейшим испытанием. Поэтому не следует загружать

психику ребенка такими взрослыми проблемами. Саша тоже желал своему сыну безоблачного детства, и был согласен на любые условия встречи с сыном. Пусть Санечка считает его своим старшим братом.

По сути, так оно и есть – они оба Анцевы, оба Александровичи. Когда-нибудь, Санечка непременно узнает о его существовании, и тогда объяснить все будет гораздо сложнее. Он с малых лет должен знать, что у него есть старший брат. Дети, особенно мальчики, обычно гордятся своими взрослыми братьями. Они могут просто дружить и поддерживать друг друга в тяжелых ситуациях. В чем-то Саша, несомненно, был прав, и Зося обещала подумать над решением проблемы общения всех Анцевых.

Александр Михайлович был поражен, когда узнал, что Татьяна для подготовки искового заявления использовала доверенность с истекшим сроком действия. При принятии заявления в суде обязательно проверяют легитимность всех прилагаемых документов, тем более доверенности.

Получается, что она из оригинала документа сумела сделать грамотную фальшивку? Анцев поручил юристам проверить в суде наличие доверенности и ее подлинность. Если доверенность действительно фальшивая, то Татьяну могут привлечь к уголовной ответственности за подделку документов. Что ж, пусть ищет выход из ситуации, которую сама создала. Попала в капкан, который устанавливала для него.

А ему сегодняшний день нес успокоение и счастье. Еще

вчера от горя останавливалось сердце, и обрывалась жизнь – его жена, смысл всей жизни, уходила от него. Но Зосенька своим приездом решила все проблемы, черным крылом ворона нависшие над ним.

Конечно, его сыновья должны встретиться. Возможно, Зося захочет взять сына в свою поездку в Англию? Анцев для себя решил, что не будет возражать против этой встречи.

Зосенька взрослый, умный и тактичный человек, не нуждается в излишней опеке. Если она когда-то захочет изменить ему, то никаким контролем он не сможет ее остановить. Исключить нужно только насилие – слишком соблазнительная женщина его жена. Нежная, хрупкая красавица! Они вместе уже несколько лет, а он все не может на нее налюбоваться. Сейчас у нее есть охрана, что, несомненно, большой плюс ее безопасности. Левону можно доверять – сильный, надежный и преданный. Но Левон один, а в сутках двадцать четыре часа. Нужно в Лабении подыскать еще хотя бы одного охранника, чтобы Левону была подмена. Александр Михайлович решил, что в ближайшее время он непременно займется вопросами безопасности жены, а сегодня они целый день могут провести вместе – днем жене и сыну он покажет банк, потом они вместе пообедают, а вечер проведут дома. Зося улетала в Лабению первым утренним самолетом. Санечка свой выбор сделал сразу – конечно, он в садик не пойдет, останется дома с родителями.

Роза Самуиловна тоже долго не колебалась – у нее обыч-

ный рабочий день. Старая учительница к своей новой работе относилась с большой ответственностью. Ей нравилось работать с детьми, а обманутые ожидания маленьких учеников могут стать началом потери авторитета учителя. В этом она была твердо уверена.

Анцев долго стоял под ледяной водой, потом выпил горячий бульон, надел темно-синий костюм и белую рубашку. Галстук Зося ему завязала сама, приспустила узел и расстегнула верхнюю пуговицу рубашки.

– Таким я тебя увидела в первый раз, а потом любовалась расстегнутой пуговичкой на каждом совещании. Как же я скучаю по твоим совещаниям! Ты сегодня не планируешь маленькую заседаловку? А-то бы я с удовольствием ее посетила.

– У меня сегодня несколько встреч с клиентами. Кстати, Матвей Кузьмич Сибирцев сегодня с утра в министерстве, а потом планирует посещение нашего банка. Тебе он рад всегда, а Александру тем более.

Переулок Звездочет был коротенькой тупиковой улочкой с пятью старыми, дореволюционной постройки, зданиями, украшенными вычурными пилястрами и лепниной.

Здание, в котором расположился банк, выгодно отличалось от своих разрушающихся собратьев благополучным фасадом с сияющими окнами в красивых кованых решетках, новой, красного цвета, черепичной крышей и большими вазами с живыми цветами, расположившимися по всему пери-

метру большого входного крыльца.

Анцев отреставрировал здание – восстановил всю лепнину по фасадам, одел в белый мрамор колонны, поддерживающие козырек над входом в здание, заказал кованые решетки старинного узора. Белые мраморные вазы для цветов были изготовлены по индивидуальному заказу и дополняли точеные, такие же белые, колонны. В ходе ремонта был надстроен четвертый этаж, что придало зданию некую стройность, солидность и законченность. Внутренняя чистота, прозрачный, прохладный воздух и самое современное офисное оборудование. Только кабинет генерального директора интерьером и старинной тяжелой мебелью поддерживал столетнюю историю стен этого раритета.

Анцев поручил своей помощнице Вере Васильевне познакомить Зою Николаевну и Александра с работой и коллективом банка, а сам занялся текущими делами.

Зося, конечно же, сразу решила посетить управление ценных бумаг. Анцев как-то обмолвился, что банк «Капитал К» уже успел наработать опыт работы с ценными бумагами. На самом деле все так и было. Банк работал на бирже с акциями, облигациями, выдавал кредиты под векселя собственной эмиссии, имел внутренний депозитарий по учету и хранению ценных бумаг. Операции с ценными бумагами приносили банку значительные, стабильные доходы. Зося в управлении ценных бумаг провела большую часть рабочего дня. Ее интересовало все – качество и степень защиты бланков, бир-

жевые операции, эмиссия акций, депозитарный учет. Специалисты по ценным бумагам сразу признали в ней коллегу и делились секретами совершенно новой в банковском деле специализации.

Когда за Зосей пришла секретарь Анцева, начальник управления попросил Зосю остаться еще на несколько минут. Он провел Зосю в отдельный кабинет и вручил свидетельство на принадлежащие ей на праве личной собственности акции банка «Капитал К». Оказалось, что она владеет контрольным пакетом акций и является фактическим владельцем закрытого акционерного общества «Банк «Капитал К». Начальник управления ценных бумаг сокрушался, что визит хозяйки был неожиданным и оказался неподготовленным – по такому случаю полагались цветы и, хотя бы, шампанское.

Зося к своему новому положению была тоже не подготовлена: она не знала, что владеет контрольным пакетом акций банка, который по праву должен принадлежать только Анцеву, создателю общества и бессменному руководителю банковского коллектива. Только его заслуга в том, что банк существует и успешно функционирует уже не один год. Причем здесь она?

Но свидетельство она получила, пообещала коллективу управления в следующее свое посещение банка организовать совместное чаепитие и вместе с секретарем пошла на четвертый этаж, искать Санечку и Веру Васильевну. С Анце-

вым она обязательно серьезно поговорит дома – у мужа определенно нарастает мания дарения. Почему все имущество должно принадлежать ей? Она будет любить своего неповторимого Анцева всю свою жизнь вне зависимости от наличия у него денег и имущества.

На четвертом этаже работала элита банковского коллектива – системные администраторы, инженеры и программисты. Это была закрытая для посторонних людей территория – двери с электронными кодовыми замками могли открыть только сотрудники, наделенные специальным допуском.

Санечка и Вера Васильевна в четыре руки увлеченно играли в компьютерную войну. Владелец компьютера горячо «болел» за Санечку. Лицо всегда сдержанной, подтянутой Верочки раскраснелось и покрылось капельками пота. Глаза горели непритворным азартом. Санечка являл собой образец джентльмена – спокойно и бесстрастно уступал взрослой тете пальму первенства, анцевская выдержка не подвела его и сегодня.

Зося извинилась перед программистами за неудобства, причиненные ребенком, но ее в несколько голосов заверили, что «игралки» давно разрешены руководством для начинающих пользователей программного обеспечения. Обучение операторов работе на компьютере обычно начинается с игр. Так человек быстрее учится понимать язык машины.

Санечка всем сообщил, что в будущем планирует стать банковским служащим, поэтому ему показали несколько

простых игр – пусть привыкает к технике.

Возвращаясь в приемную, Верочка призналась Зосе, что сегодняшний день стал для нее необычным, счастливым днем. Нечасто жизнь дарит ей общение с доброжелательным, непосредственным ребенком. В приемной их ожидал заместитель Анцева, Олег Игоревич. С лица Верочки исчезла улыбка, глаза мгновенно утратили блеск, стали холодными и непроницаемыми. Совершенно очевидно, что для данного господина Верочка – лицо строго официальное.

Олег Игоревич внешним видом, вроде бы, не должен был вызывать неприязнь или раздражение – средних лет мужчина, мужественные внешние данные, соответствующая офисному работнику и занимаемой должности одежда. Но для открытого диалога это был очень тяжелый человек: приторно-слащавые манеры и заискивающая улыбка как-то не украшали делового мужчину.

Два года назад он вынужден был уволиться из Проминвестбанка по весьма прозаичной причине: не сработался с новым генеральным директором. Анцев, к которому он пришел с просьбой о трудоустройстве, решение принял не сразу. Олега Игоревича он знал давно, уважал за деловые качества, но не одобрял манеру поведения в общении с людьми, поэтому сомневался, сможет ли такой человек вписаться в дружный коллектив его банка.

Потом, все-таки, Олег Игоревич «дожал» его жалобами на несправедливое к нему отношение нового руководства Про-

минвестбанка, в котором он добросовестно отработал полтора десятка лет, возникшее из-за отсутствия работы безденежье и неуверенность в завтрашнем дне. «Следует исходить из того, что специалист он все-таки не просто хороший, а очень хороший», – решил Александр Михайлович и принял Олега Игоревича в банк «Капитал К» на должность своего заместителя.

Сейчас Анцев точно знал, что Олег Игоревич по своей сути больной человек – его изо дня в день точила и разъедала черная зависть ко всему, что происходило вокруг его. Объектом зависти становилось любое, даже незначительное событие в жизни коллег – новый имидж, удачная покупка, продвижение по службе, красивая жена, рождение ребенка. Олег Игоревич жадно выпытывал у сослуживцев подробности их жизни. При этом заметно волновался, в его глазах появлялся нездоровый блеск, а на скулах – розовые пятнышки.

В приемной он дежурил уже достаточно долго – хотел познакомиться с женой Анцева. Когда-то в кулуарах банка ему удалось уловить слух о том, что жена Анцева – молодая, красивая аристократка. Сейчас Олег Игоревич волновался, и изнывал от нетерпения посмотреть, на кого же поменял его шеф свою Татьяну.

Свои руки целовать, как хотел Олег Игоревич, Зося не позволила, улыбнулась, назвала свое имя и прошла в кабинет мужа. Олег Игоревич стер со своего лица слащавую улыбку и вышел из приемной переживая очередной приступ зависти

– везет же людям!

Анцев, увидев жену и сына, убрал со стола все бумаги в сейф, вместе с Зосей и Санечкой вышел из кабинета. Сообщил Верочке, что на сегодня заканчивает свой рабочий день, но в это время в его кабинете зазвонил телефон. Анцев попросил Зосю обождать его несколько минут и вернулся в свой кабинет.

Зося решила не оставаться в приемной, попрощалась с Верочкой, вместе с Санечкой отправилась ожидать Анцева на улице. Возле крыльца банка стояла какая-то женщина. Зося узнала ее только после того, как женщина цепко схватила ее руку и громко сказала:

– Ну, что, шалава, поговорим?

Это была Татьяна Алексеевна Анцева – располневшая, с боевой раскраской на лице и устоявшимся запахом алкоголя. Татьяна Алексеевна больно впилась ногтями в Зосину руку и продолжала выкрикивать:

– Ты дрянь, увела моего мужа и отобрала ребенка у моего сына. Я сумею тебя отправить на помойку, с которой ты явилась, а мой внук будет жить со мной.

Она кричала, а Зося, молча, пыталась освободить свою руку из потной ладони пьяной женщины. В это время к ним подбежал Левон, грубо толкнул Анцеву и разжал ее руку. Зося хотела взять Санечку за руку и пойти к машине, но Санечка сжал кулачки и кинулся на мамину обидчицу:

– Санечка забыл русский язык, в гневе стучал кулачками

по животу Татьяны Алексеевны и выкрикивал английские слова.

– Уходи, злая баба-яга. Не трогай мою мамочку.

– Алекс, веди сеья прилично, – Зося пыталась успокоить, вразумить ребенка, поэтому поддержала его английскую речь. Пусть лучше ругается на английском языке, чтобы Татьяна Алексеевна ничего не поняла, – Разве можно толкать и обзывать нехорошими словами чужого человека?

– Она плохая, пусть уходит.

– Ты знаком с этой тетей? Ты давно ее знаешь?

– Нет, не знаю.

– Тогда почему ты утверждаешь, что она плохая?

– У нее глаза, как у вампира.

– Ты неправ – она обычный человек. Успокойся и иди в машину вместе со своим крестным. Возьми его за руку и отправляйся. Я сейчас приду, не волнуйся, никто меня не обидит.

Анцева оторопела – внук не знает русский язык, и она не сможет сказать ему, что у него есть бабушка.

– Ты бы хренова аристократка научила ребенка русскому языку. Или у тебя времени хватает только за мужиками таскаться? Вот дура, совершенно забросила малыша!

– Сама дура! – Санечка снова замахнулся кулачком на Татьяну Алексеевну.

– Саша, ты разговариваешь на русском языке? – удивилась Анцева, – подойди ко мне, я твоя бабушка, не бойся меня.

– Врунья ты, а не бабушка, – злился Санечка, – такие бабушки не бывают. У меня есть бабушка, вот она – настоящая бабушка. Она хорошая. А ты злая ведьма. Пойдем, мамочка, в машину вместе. Не оставайся с этой злой старухой.

– Да, ты прав, Александр – забирай мамочку и идите в машину, – к ним подошел Анцев, – а я еще поговорю с Татьяной. Скажи, пожалуйста, неуважаемая, ты долго еще собираешься меня и Зосю преследовать? Оскорбляешь, пытаешься запугать, интригуешь, сети какие-то плетешь… Может, пора остановиться? Смотри, как бы сама в свои же сети не попала. Ты лучше наведайся в суд, там обнаружили, что в иске на опекунство Александра ты использовала фальшивую доверенность. Не боишься уголовного преследования за подделку документов?

– Ты не посмеешь!

– Еще как посмею. А, впрочем, будет вполне достаточно, если я займу позицию невмешательства. Попробуй сама организовать свою защиту. Надеюсь, что ты все поняла и в дальнейшем забудешь о моем существовании. Посадите ее в машину, – отдал распоряжение Анцев охране, – и отвезите на кольцевую дорогу. Пока до дома доберется, может, протрезвеет.

– Александр Михайлович! – Зося притронулась к руке мужа.

– Хорошо, – понял ее просьбу Анцев, повернулся к охранникам и добавил, – оставьте ее. Но хорошенько запомните

эту даму и гоните с территории банка при первом же появлении. Кстати, скажи мне, а как ты узнала, о том, что Зося и Александр в банке?

– Тебя это совершенно не касается. Друзья подсказали.

В машине Анцев сказал Зосе, что у него был Матвей Кузьмич, очень хочет встретиться с Зосей и Александром. Будет ожидать их в китайском ресторане. Ресторан выбирала его подруга детства, с ней-то он и хочет познакомить Анцевых. Они все, Матвей Кузьмич, Николай Васильевич и Дарья Никаноровна вместе начинали трудовую деятельность на металлургическом комбинате, и, судя по всему, их связывала дружба. Матвей Кузьмич и Дарья Никаноровна сохранили свою дружбу, а Николай Васильевич уехал в Лабению, общение с ним прекратилось на долгие годы. Исключение составляли редкие телефонные разговоры. Впервые за много лет Матвей Кузьмич и Чарышев встретились на венчании Зоси и Анцева в Московском соборе.

Дарья Никаноровна стояла в своей гардеробной комнате и думала о том, что на сегодняшнюю встречу надеть ей совершенно нечего. Вечерние платья и деловые костюмы ситуацию не спасали. Разве что, вот этот скромный костюм, который она надевала один раз на защиту собственной докторской диссертации? Да, пожалуй, он подойдет!

Дарья Никаноровна волновалась, нервничала и уже несколько раз машинально пила какие-то капельки из темного пузырька. Она корила и ругала себя за то, что позволила

эмоциям выплеснуться наружу, но справиться с ними пока не получалось.

Сегодня у нее встреча с Колиной дочерью. Она двадцать лет разыскивала Колю Бражкина, но ответы на ее запросы были сухими и лаконичными: не значится, не проживает, не найден.

Все эти долгие годы она сама училась, сдавала экзамены и зачеты, защищала диссертации, стажировалась, делала доклады перед солидной аудиторией ученых.

После Колиного ареста и своего замужества она хотела работать, много работать, до потери последних сил, чтобы както забыть все, что с ними случилось. Но тогда же и обнаружила, что ее экономическое образование не может быть больше ее специальностью. Цифры и таблицы вызывали у нее отвращение, вплоть до рвоты. Именно эти цифры и отняли у нее любовь.

Дашин муж был обеспеченным человеком и не возражал против ее очной учебы. Так появилась новая специальность, она с головой ушла в научную медицину. Затем была защита кандидатской, докторской диссертаций, стажировка в США и Чехии, большое количество статей и докладов.

Сейчас Дарья Никаноровна врач-репродуктолог высшей квалификационной категории, доктор медицинских наук, профессор, Член Российской Ассоциации и Европейского общества Репродукции человека и эмбриологии, участник отечественных и международных научно-практических кон-

ференций, автор статей и научных работ по репродукции человека. Лауреат премии российского правительства.

При содействии американских коллег из Чикагского института репродуктивной генетики, за свои личные средства она создала Центр вспомогательной репродукции с собственным стационаром, уникальной эмбриологической лабораторией и самым современным высокотехнологичным оборудованием. Назвала его «Дарина», в надежде на то, что если Коленька ее тоже ищет, то найдет по названию центра. Коленька в минуты интимной близости всегда называл ее Дариной, это был их тайный позывной знак.

Она приехала в ресторан за час до назначенной встречи, позвонила Матюше, сказала, что ждет его – нужно поговорить.

С Матвеем Кузьмичом они вместе выросли, ходили в одну школу, учились в одном университете, вместе начинали работать у Дашиного отца на металлургическом комбинате. Матюша за долгие годы их дружбы стал для нее братом, другом и опорой. Два месяца назад он осторожно сказал ей, что встретил Колю, здесь, в Москве, на венчании его дочери. Хорошо знает Колиного зятя, дочь Зосю и один раз видел маленького внука Коли – Александра.

Даша потеряла сон и покой – как же, Матюша, ты мог скрывать, что Коля жив и здоров? Матвей Кузьмич оправдывался – думал, что она давно забыла свое девичье увлечение, живет спокойно и ничего кроме работы ее не интересу-

ет. Тогда же он и пообещал ей, что найдет возможность и познакомит ее с Зосей и ее семьей.

Дарья Никаноровна сидела за столиком в ресторане и теребила в руке маленький кружевной платочек, как будто он мог придать ей силы и добавить уверенность в себе. Матвей Кузьмич сразу заметил ее волнение, и в который раз выругал себя:

«Сволочь ты, Матвей, и дрянь! Решил попробовать на вкус чужую любовь, но ничего кроме горечи там не нашел? Ах ты, негодяй».

Он поцеловал макушку ее головы, со знакомой воронкой из волос и присел рядом с ней, чтобы можно было спрятать виноватые глаза.

– Давно мне, Дашенька, следовало рассказать тебе все, что я знаю о Коле. Но, хотел бы в рай, да грехи не пускают. Виноват я перед тобой – молчал, потому что надеялся, что со временем забудешь ты его и меня полюбишь. Прости. Коля живет в Лабении, имеет собственное производство. Но главное его достояние – это его дочь, Зося. Нашел он ее, когда она после окончания вуза пришла работать в банк, в котором обслуживался его химкомбинат. Девочка рождена от его случайной связи, мать ее сразу после рождения оставила в больнице и больше с ней не встречалась. Приемная мать рано умерла, и Зося осталась подростком в совершенном одиночестве, без помощи и поддержки. Сейчас Зося замужем за нашим банкиром, Анцевым.

– У нее счастливый брак? – спросила Дарья Никаноровна

– Похоже, что очень счастливый, – ответил Матвей Кузьмич, – она ему очень трудно досталась. Анцев много лет вкладывал в нее силы и свою душу. Они познакомились, когда она была девочкой-подростком, одиноким и беззащитным существом. Его несомненная заслуга в том, что она образованный и самодостаточный человек. Когда он понял, кем стала для него его воспитанница, сразу принял решение о разводе с женой. Правда, в то время он даже надеяться не смел на ответную любовь. Для Зоси он был мудрым руководителем, защитником, наставником, но не любимым человеком. Рассмотрела она его, когда родила ребенка. Представляешь, от его сына!

– Ну и ладно, – не стала осуждать чужую жизнь умная женщина, – в жизни еще и не то случается. Только, чтобы счастье от них не отвернулось!

– Такой вот неожиданный зигзаг судьбы! Она, напрочь, забыла об окружающих ее молодых людях и об отце ребенка, ушла к нему, похоже, навсегда. Они по Зосиному настоянию венчаны в церкви, а для нее это не дань сегодняшней моде, а узы, разорвать которые могут только силы небесные. Они очень красивая пара – здесь и внешние данные обоих, и их отношения. Ты сама увидишь – не заметить их любовь просто невозможно. Живут они, по сей день в разных городах. Он в Москве, она в Лабении. Там у нее работа, бизнес и, самое главное, – отец.

– Какая молодец! – воскликнула Дарья Никаноровна, – Коленьку не оставила!

– Да, именно так, – продолжил Матвей Кузьмич, – мне кажется, что именно из-за отца она продолжает жить в Горевске. Не может оставить его одного. После всех известных тебе событий, я его в первый раз увидел на венчании дочери. Надо честно признаться, что и летел я тогда в Москву только ради этой встречи. Был уверен, что Коля обязательно будет там. Поговорить с ним долго и откровенно так и не получилось – возле него постоянно находилась его землячка, Зосина подружка. Девушка смелая, дерзкая, с невзрачными внешними данными, и, как мне показалось, удовольствия от ее общества он не получал. Откровенного разговора не получилось, но я рад уже и тому, что растоплен первый лед. А дальше глядишь, все наладится. Коля любит свою дочь безумно, я бы даже сказал, как-то болезненно. Все время боится потерять ее из виду, переживает, что с ней может случиться что-нибудь непредвиденное. Он очень бы хотел, чтобы она не работала, а постоянно находилась дома, рядом с ним, под охраной. Теперь ты понимаешь, как бы он себя чувствовал, если бы Зося уехала жить в Москву, к мужу?

– А как ее муж к этому относится?

– Анцев, видимо, это тоже понимает и не настаивает на переезде жены к нему. Коля и Александр Михайлович друзья с многолетним стажем. Коля говорил, что одобряет выбор дочери – Александр Михайлович надежный человек, Зосеньку

очень любит и будет о ней заботиться не хуже родного отца. Так оно и есть. Я по просьбе Коли помог Анцеву учредить банк «Капитал К». Чем помог? Помог привлечь состоятельных клиентов. Для банка самое главное – иметь солидных клиентов с постоянными остатками средств на счетах. Тогда банк быстро обрастает собственным капиталом и становится настоящим финансовым учреждением. Так, вот – на последнем заседании наблюдательного совета я узнал, что контрольным пакетом акций банка «Капитал К» владеет Чарышева Зоя Николаевна.

– Да ты, что? А кем же тогда там работает ее муж? Неужели по контракту?

– А Александр Михайлович представляет ее интересы по генеральной доверенности. Представляешь, Дашка, какое абсолютное, взаимное доверие у этой пары? Она владеет всем его имуществом, а он распоряжается им по своему усмотрению. И это без всякого контроля! В их отношениях превалирует любовь, а не имущественные интересы. Ну, а я рад, что смог оказать Коле хоть какую-то услугу. С тех самых злополучных отчетов совесть мне постоянно напоминала, что я трус и подлец. И жить с этим грузом было тяжело и паршиво. Может, сейчас Коля найдет в себе силы и простит меня за поломанную жизнь. И ты, Дашка, прости. Ты искала Бражкина, а мы с твоим отцом после тюрьмы поменяли Колину фамилию на Чарышев.

– А почему Чарышев? Я о такой фамилии ничего не знаю.

– Ты не могла знать, что Коля из рода князей Чарышевых. Он предпочитал об этом не рассказывать – в те времена за аристократическую родословную преследовали. Его мать записала Колю на свою фамилию – Бражкин, а в графе отец сделала прочерк. Он мне в молодости по-пьянке рассказал о своем происхождении, и фамилию отца назвал. Вот мы с твоим отцом и сделали ему документы на фамилию отца, который к тому времени уже погиб на войне, защищая Страну Советов, уничтожившую его семью. После смерти твоего мужа, Серафима Андреевича, поймал я себя на подлой мысли, что ты снова свободна и для дальнейшей жизни выберешь меня. Я думал о нас с тобой. Почти верил, что пришло мое время, ты забыла своего Коленьку и примешь мою любовь. Я считал, что Коля в наших отношениях третий лишний, и снова тебе ничего не рассказал о нем. Ну, вот и все – я исповедался перед тобой, рассказал все, что знаю о Коле и его дочери. Возможно, после этой исповеди в моей душе наступит покой. Колина дочь через несколько минут вместе с мужем будет здесь. В качестве бонуса для тебя, я просил Анцева, чтобы они хоть на несколько минут привели сюда маленького Александра. Да, вот и они, ищут нас. Окликнуть? Или дать тебе время присмотреться?

– Они сами нас найдут, – Дарья Никаноровна прижала платок к глазам, – мне нужна хотя бы минута, чтобы успокоиться. Они действительно потрясающе красивы. Зосенька… Она могла быть моей дочерью. Спасибо, Матюша. Буду ве-

рить, что у меня все впереди. Смотри, они заметили нас. Помоги мне, Господи!

Зося улетала в Лабению. Регистрацию еще не объявили, в запасе было время, но она уговаривала Александров возвращаться к своим делам. Анцев улыбался, держал ее руку в своей большой ладони, и уезжать не спешил. А Санечка просил посмотреть самолет, на котором полетит мама. Они были заняты собой, и не заметили, как к ним подошла Дарья Никаноровна.

– Простите мою назойливость, – Дарья Никаноровна достала из своей сумочки конверт, – у меня есть веская причина, по которой я решилась разыскать вас в аэропорту. Вот это письмо я не могу доверить почте и прошу тебя, Зося, передать его Николаю Васильевичу. Конечно, если тебя это не затруднит.

– Дарья Никаноровна, какие трудности? Конечно, передам в собственные руки моего папочки. Только я сейчас лечу в Лабинск. Мне в национальном банке республики через два дня предстоит сдавать экзамены. Следовательно, папу я увижу только через дня три. Вас не смущает такая отсрочка доставки письма?

– Нет, не смущает. Я тоже училась, экзамены сдавала, диссертации писала, а жизнь не стояла на месте, и уже подходит к концу. Не пугайся, Зосенька, с тобой такое никогда не случится. И, второе, Зосенька – я вчера как-то не смогла с тобой договориться о новой встрече. Я в свое время потеряла Ко-

лю, а сейчас боюсь вас всех потерять. Вот, Зося, моя визитка – здесь вся информация обо мне. Если сочтешь возможным, то звони мне. Домой, на работу – в любое время суток. Я всегда буду тебе рада. А, может, ты приедешь ко мне в гости домой или захочешь познакомиться с моей клиникой?

Зося внимательно рассмотрела визитку, улыбнулась и сказала:

– Спасибо, Дарья Никаноровна! И позвоню, и приеду. Для меня знакомство с Вами – это знак судьбы.

Глава 3

После скандала, который учинила в Москве Татьяна Алексеевна, Левон находился возле Зоси постоянно. Её передвижение в пространстве находилось под неусыпным контролем личного телохранителя. Отец и муж, заручившись Зосиным согласием на охрану, выдали Левону четкие инструкции, которые он добросовестно исполнял. В день сдачи экзаменов на профессиональную пригодность участника рынка ценных бумаг Левон привез Зосю в школу банковского бизнеса за полчаса до начала тестирования слушателей курсов и остался ожидать ее в коридоре. При этом он не забыл заглянуть в кабинет, где проводилась аттестация.

Зося, в студенческие годы, экзамены сдавать всегда старалась первой. Обычный «коридорный» озноб, присущий всем экзаменующимся студентам, у нее прекращался, как только в руках появлялся заветный билетик с вопросами. Она бегло, торопливым взглядом пробегала по вопросам, и сразу обретала в себе уверенность – ничего сложного или незнакомого нет, все понятно. Просто нужно некоторое время, чтобы четко вспомнить материал, подобрать слова и правильно выстроить ответы.

В нынешнюю аттестацию привычных билетов не было. Экзамены принимал компьютер. О корректности постановки вопросов можно было поспорить, но все равно, это был

явный прогресс в переаттестации банковских специалистов.

Банки активно переучивали свои кадры. Для успешной работа в новых экономических условиях требовались специалисты другой формации. Банковские клерки снова садились за парту, учились и сдавали экзамены. Правда, служащие с солидным банковским стажем работы в основном не справлялись с заданным темпом ускоренного обучения и освоением хлынувшей в банки техники. И с ними немедленно расставались – досрочная пенсия или другая, менее ответственная работа. Банковские коллективы стремительно молодели.

Зося без особых затруднений пометила правильные ответы на все тесты. На мониторе компьютера появились оценки ее знаний, а затем и поздравление с присвоением ей квалификации профучастника рынка ценных бумаг.

Она уже хотела выйти из кабинета, но заметила, как пожилая работница какого-то районного отделения банка обреченно сидит перед компьютером. Женщина явно боится самого компьютера и даже не пытается справиться с совершенно простой электронной задачкой. Лицо старой женщины постепенно становилось темно-бордовым и блестящим от капелек пота. Зося осмотрелась – в кабинете находились только слушатели. Преподаватели вышли из кабинета по каким-то своим делам. Зося подошла к подавленной коллеге, и попросила ее уступить рабочее место. Вариант вопросов этого компьютера оказался до смешного простым и доступ-

ным. За двадцать минут Зося успешно завершила тестирование, компьютер выдал поздравление с присвоением соответствующей квалификации. Зося прикоснулась к сжатой в кулачок старой руке, склонившейся над ней женщины, поднялась и вышла из кабинета.

Эта женщина догнала ее, когда она вместе с Левоном вышла из здания. Она рассказала, что работает в Ивановске. На переаттестацию согласилась поехать, потому что в своем коллективе была лучшей. Компьютер, старалась, но так и не смогла освоить, а на тестировании уже начала прощаться со своей любимой работой. Перед отъездом заведующая отделением предупредила – не пройдешь аттестацию, заменю молодым сотрудником. Зося не сожалела о своем поступке:

«У каждого поколения свои преимущества, – оправдывала она себя, – у старших опыт и терпение, у молодых азарт и любовь к технике».

Она распрощалась с коллегой, пожелала ей все-таки завести дружбу с техникой и уехала домой. Как они там, папочка и Мила?

Машина въехала во двор дома и Зося сразу поняла, что ее здесь ждали, и готовились к встрече.

Возле крыльца стояли большие вазы с ее любимыми хризантемами, а над входной дверью висел плакат: «Здравствуй, Зосенька!». И в доме цветы были повсюду. Но самое главное, из кухни доносился любимый запах яблочного пирога. На кухне топталась Тамара, и, странное дело, на подхвате у

нее покорно суетилась Людмила. Люда увидела Зосю, заторопилась ей на встречу и громко закричала: – Наконец-то приехала! А похудела, а побледнела, а устала! Ничего, дома и стены на пользу.

На шум из своей комнаты вышел Николай Васильевич, обнял дочь и сказал:

– Думал уже и не дождусь! Так, доченька, скучал по тебе.

Его глаза влажно блеснули. Зося в который раз подумала, что когда-то приняла очень правильное решение и осталась с отцом. Муж поставит на ноги банк и возвратится в Горевск. И они снова будут все вместе.

За столом Зося рассказала, что летала в Москву. Представляете, самолетом? И назад в Лабинск тоже прилетела самолетом. В Москве встречалась с Матвеем Кузьмичом, познакомилась с Дарьей Никаноровной Валеевой и даже материальный привет от нее привезла.

Зося передала отцу конверт. Рука отца, принимавшая письмо, заметно вздрагивала.

– Папочка, – улыбалась Зося, – ты пытался скрыть от меня своих друзей, а они сами меня нашли. Дарья Никаноровна потрясающая женщина – умница, красавица, настоящая бизнес-леди. Ты, когда последний раз ее видел? Она что-то говорила о том, что потеряла тебя и, по-моему, очень этим огорчена. Хотя, такие женщины, как она не могут быть одиноки – она и внешне, и по жизни очень приметный человек. Она мне в аэропорт привезла свою визитку. Оказывает-

ся, она ученый с самой большой буквы – доктор медицинских наук, профессор, лауреат всяческих премий и наград. Ты знаешь, папочка, чем она занимается? Конечно, не знаешь! Репродукцией человека. Это не просто новое, а новейшее направление в медицине.

Николай Васильевич молча держал письмо в руке. Через несколько минут сослался на головную боль, и ушел в свою комнату. Людмила сначала рассказывала Зосе о своих торговых успехах, потом заметила, что Зося устала, отправила подругу отдыхать, а сама осталась на кухне. Вымыла посуду, прибралась и все прислушивалась к каждому шороху.

Она ждала звонок на свой мобильный телефон. Но Николай Васильевич не звонил, и Людмила ушла спать – не позвонил сегодня, значит, позвонит завтра. Она была уверена, что Николай Васильевич не сможет соскочить с ее крючка.

Николай Васильевич действительно чувствовал себя ужасно плохо – разболелась и стала чугунно-тяжелой голова, тело бил болезненный озноб. Не один десяток лет прошел с тех пор, как Даша вышла замуж за другого, а он все не может ее забыть. Вокруг столько умных и красивых женщин, а ему никто не нужен. Почему бы остаток дней своих не провести вместе с Людой? С Зосенькой они подруги, а ему Людмила может стать надежной спутницей. Но не потеснила она Даринку из его сердца и уж, тем более, не заменила.

Предала Даша Николая Васильевича в самые тяжелые годы его жизни. Уехала, начала новую жизнь, а в его сердце

осталась навсегда. И вот письмо. Прочитать или сразу отправить в мусорный ящик? Какая она сейчас, его Даринка? И почему доктор медицинских, а не экономических наук? Письмо все-таки надо прочитать! Николай Васильевич вынул из конверта аккуратно сложенный листик бумаги:

«Я нашла тебя! Прости меня, прости! Правда, не знаю за что, ведь и в своем вынужденном замужестве я любила только тебя. Понимаю – сейчас поздно оправдываться и об этом говорить. У тебя своя жизнь, и в ней нет меня. У меня маленькая, но очень важная для меня, просьба. Я познакомилась с твоей дочерью. У нее нет матери, я вообще одинока. Возможно, мы с ней нужны друг другу? Позволь мне видеться с Зосей. Я понимаю, что этот вопрос она может решить самостоятельно, но моя ущербная душа нуждается в твоем согласии. Прошу тебя, не отказывай! Твоя Даша».

Николай Васильевич погладил листик бумаги, пахнувший сладкими женскими духами, и убрал его в ящик стола. Потом снова достал и положил в свое портмоне. Вот теперь можно лечь в постель.

Знал, что сна не будет, из глубины сознания снова всплывут воспоминания, вопросы и обида. У Матвея он никогда не спрашивал о Даше, хотя точно знал, что Матвей и Даша друзья с раннего детства и обязательно продолжают общаться. Но что ему от этого? Даша давно замужем, и, как сказал Матвей, счастлива в браке. А может Матвей лукавил? Он давно догадывался, что Матвей любит Дашу, страдает от

неразделенности своего чувства и, чтобы сохранить хоть какое-то мужское достоинство, все это называет дружбой.

В тюрьме Николай Васильевич даже начал думать о том, что Матвей специально подставил его с этим отчетом, чтобы избавиться от соперника. Потом он выбросил из головы свои подозрения – Даша вышла замуж не за Матвея, да и сам Матвей был прямым и честным человеком. Он стал изредка звонить Матвею, но о Даше никогда не спрашивал, и Матвей этой темы тоже не касался. Николай Васильевич старался себе доказать, что у Даши давно отдельная от него, счастливая жизнь и ее необходимо забыть. Но не получалось.

Людмилина любовь не спасла его от тоски по любимой женщине. И, вот это письмо. У него есть дочь, а Даша, оказывается, совершенно одинока. Безусловно, пусть они общаются, его любимые женщины – Зосенька и Дарина.

А вот, как строить дальше свои отношения с Людой? И нужно ли эти отношения продолжать? Людмила славный человек, достойна собственного счастья.

А его жизнь – сплошные обломки и построить на этом мусоре приличный союз с женщиной, видимо, не получится. Люда, в этом он не сомневался, мечтает о семье и муже. Нельзя и дальше держать ее возле себя. Она все глубже привязывается к нему, верит и чего-то ждет. А что будет через несколько лет? Совершенно очевидно, что тогда разорвать эти узы будет практически невозможно. Значит, нужно сейчас забыть ее молодое, горячее тело. Кроме ночных свида-

ний их ничто не связывает. Его-то уж точно!

Зосенька ему говорила, что на следующей неделе займется покупкой квартиры для Левона. Нужно сказать ей, чтобы купила сразу две квартиры – одну Левону, вторую – Людмиле. А далее у Люды появится выбор – жить вместе с ними, или уйти в свою квартиру. Так будет правильно и честно. Николай Васильевич принял решение, успокоился и заснул.

Зосе сразу понравилось предложение отца о покупке двух квартир. Она поцеловала его и сказала:

– Какой ты, папочка, молодец и умница! И почему я сама не сообразила, что Людмиле нужна квартира? У каждого человека должна быть личная территория, а уж у Люды, тем более. Все, что она зарабатывает, уходит на содержание ее мамы и сестры. Мы ведь себе зарплату выплачиваем совсем небольшую. Вся прибыль направляется на расширение производства. Милочка сутками работает, а лично себе позволить ничего лишнего не может. Я в ближайшее время займусь капитальным ремонтом здания, которые мы купили у города. Мне звонили из проектного института – проект на днях можно будет получить. И сегодня уже могу заключать договор со строительной организацией на выполнение ремонтно-строительных работ. Включу в договор еще и ремонт двух квартир. Думаю, что ко дню рождения Людмилы квартиру можно подготовить. От подарка она никак не сможет отказаться. Ты, папочка, только Милочке ничего не говори – пусть будет сюрприз. Мы ей устроим грандиозный день рож-

дения и вручим ключи от квартиры. Я попрошу Александра Михайловича, чтобы они вместе с Санечкой приехали к нам на этот праздник. Я думаю, что Санечка должен вручить подарок своей крестной. Ты, папочка, согласен?

– Почему только крестной? Раз квартиры две, значит, пусть дарит и крестному.

Николай Васильевич с облегчением вздохнул – все решится без его участия. Людмила не должна догадаться, что квартира – подарок от Николая Васильевича. Может возникнуть неприятная ситуация – Люда вообразит, что от нее хотят откупиться, и придется доказывать, что это не так. Николай Васильевич принял твердое решение – с Людмилой по ночам в дальнейшем не встречаться. Она девушка неглупая и сама догадается, что настаивать не следует. Ну, а если ее это решение обидит, то путь для отступления ей будет подготовлен. А теперь можно поговорить с дочерью о Даше.

– Спасибо тебе, доченька, за весточку от Дарьи Никаноровны. Не виделись мы с ней почти тридцать лет. А раньше вместе работали и, не хочу от тебя скрывать, нам казалось, что любили друг друга. Но это было давно, в молодости. Потом наши дороги разошлись, и любовь ушла. Видимо, мы с ней приняли за любовь простое юношеское увлечение. Не знаю, что у нее в жизни не сложилось, но сейчас она одинока. Мне очень бы хотелось хоть чем-то ей помочь. Поэтому прошу тебя, доченька, по мере возможности уделяй ей какое-то время. А сегодня обязательно позвони и передай мою

благодарность за ее внимание.

– Ты бы мог сам ей позвонить. Дать тебе номер ее мобильника?

– Нет. Прошу тебя, позвони ей сама. И обязательно сегодня. Я пока не готов к разговору с ней. Столько лет прошло, я ее совершенно не знаю.

– Хорошо, папочка. Прямо сейчас и позвоню, чтобы ты перестал волноваться.

Зося удивилась – обычно невозмутимый и сдержанный папочка, заметно нервничал. Она набрала телефон Дарьи Никаноровны и в ее голосе уловила то же самое волнение.

«А папочка мне правду не говорит, – подумала Зося, – скорее всего, была именно любовь, которая жива и поныне. И, похоже, это взаимная любовь. Наверное, это та женщина, из-за которой папочка так и не женился».

Зося решила проверить свою версию:

– Удачи тебе, папочка. Будь смелее, и у тебя все получится.

– Ты бизнес имеешь в виду? – смутился Николай Васильевич.

– И бизнес тоже. Кстати, Дарья Никаноровна просила тебя поцеловать. Я, похоже, незаметно для себя становлюсь переводчиком ваших отношений.

Зося поцеловала отца сначала за Дарью Никаноровну, потом от себя, и уехала в банк.

Левон привез Зосю в банк и вместе с ней вышел из маши-

ны. Свое рабочее место в банке Левон определил самостоятельно – взял стул и поставил его возле входной двери в кабинет Зои Николаевны.

Зося из своего кабинета слышала приглушенные голоса Левона и Оксаны, потом на мониторе компьютера появилась клиентская база, и Зося сосредоточила свое внимание на финансовых показателях юридических лиц. Она из своих клиентов отбирала потенциальных акционеров банка. Приобрести акции банка предприятия имели право только за счет прибыли. Но свободный остаток прибыли имели немногие предприятия. Зося сосредоточенно работала и не заметила, как в ее кабинете появился Авдей… вместе с Левоном. Авдей топтался в тесном кабинетике и посматривал то на Зосю, то на Левона.

– Что-то не так? – нарушила неловкое молчание Зося.

– Все так, – ответил Авдей, – непонятно что этот здесь делает? Авдей кивнул на Левона.

– Этого зовут Левон, – поправила начальника Зося, – он – моя личная охрана и находиться всегда будет рядом со мной. Если Вас, Эдвард Станиславович, что-то не устраивает, то я могу досрочно разорвать наши договоренности и уйти из банка. Тем более что закон сделать это мне не запрещает. Других вариантов у меня нет.

– Хорошо, – согласился Авдей, – пусть охраняет. Я, собственно, пришел поздравить Вас с успешной аттестацией и извиниться. Зоя Николаевна, нам предстоит некоторое вре-

мя работать вместе, и я бы очень хотел, чтобы Вы простили мою бесцеремонность и хамское поведение. Такое может с каждым случиться – лишнее выпил и позволил себе непозволенное. Скажите, Зоя Николаевна, а как эту ситуацию расценил Николай Васильевич? Я боюсь, что он свои предприятия переведет на обслуживание в другой банк. Тогда и подписку на акции можно не проводить – банк прекратит свое существование. Так, что, Зоя Николаевна?

– Папа ничего не знает о Ваших посягательствах. А если бы и знал, то никогда до мести банку не опустился бы. Самое вероятное – он убил бы Вас, как говорит Левон, без суда и следствия. Давайте поговорим о подписке. Я сейчас, исходя из финансовой достаточности предприятий, составляю списки потенциальных акционеров. Буду проводить работу с финансовыми службами, а затем, по итогам этой работы, назначать встречи с первыми лицами предприятий.

– Мне нужно присутствовать на этих встречах?

– Обязательно! Вы должны всегда находить время для проведения этих встреч. Я думаю, что корректнее будет, если мы сами будем выезжать на предприятия, а не приглашать их к себе. О неплатежеспособных клиентах поговорим позже и что-нибудь придумаем, я имею в виду источник для оплаты сделки. У меня появилась идея привлечь в состав наших акционеров и чужих состоятельных клиентов. Например, отделение железной дороги, снабженческие предприятия и предприятия связи и телекоммуникаций. Но все это потом. Сна-

чала наработаем опыт со своими клиентами. На время подписки для выполнения технической работы подкрепите, пожалуйста, отдел двумя программистами и юристом. Нужно будет оперативно составлять договоры, формировать реестр акционеров и много-много прочих документов. Мы с Оксаной физически не осилим такой объем работы.

– Да, Вы просто молодец, Зоя Николаевна. Все четко и понятно. Лично я готов по первому Вашему звонку подниматься со стула и ехать на любое предприятие. Программисты и юрист в Вашем отделе будут сегодня же. Переведу из других отделов. Пусть составляют проекты договоров и прочие документы по Вашему списку. Вас лично, Зоя Николаевна, убедительно прошу не отвлекать себя на выполнение технической работы. Банку нужны Ваши мозги, а не руки. Исполнителей в Вашем отделе будет столько, сколько вы примите. С Вами, Зоя Николаевна, действительно приятно работать – Вы конкретный человек. Во всяком случае, Вы точно знаете, что нужно делать в этой ситуации. Что ж, работайте, не буду Вам мешать. Кстати, я рассмотрел Ваше предложение о назначении Якушева начальником отдела. С сегодняшнего дня у нас в банке начал работу новый отдел ресурсов. Начальником отдела назначен Якушев Иван Павлович.

Авдей вышел из кабинета. Левон снова уселся на свой стул и о чем-то тихо заговорил с Оксаной.

Зося не вслушивалась – впереди ее ожидала интересная работа. Много работы и встреч с солидными, умными

людьми, элитой ее родного города. Намечались сложные переговоры, и к ним следовало тщательно подготовиться.

Параллельно этой работе нужно подобрать и купить две квартиры. Зося составила список риэлтерских городских контор с телефонами и адресами. Позвонила в каждую из них и попросила подготовить ей предложения на покупку квартир. Предложения квартирные маклеры выдали немедленно – покупателей недвижимости в городе с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.